

Артюхов Олег

РОТА

Олег Артюхов

Рота

«Автор»

2023

Артюхов О.

Рота / О. Артюхов — «Автор», 2023

Цикл шести книг «СТОРНО» проведёт вас по неизвестным, окутанным тайной или молчанием событиям, которые могли бы стать развилками в истории человечества, приведшими к большим и непоправимым бедам, если бы не незаметная помощь неких загадочных личностей. Волей-неволей обычный человек, наш современник попадает в гущу событий и получает шанс исправить вопиющую несправедливость. Силой ума, силой воли и силой любви удаётся отыскать причину наших бед и несчастий и остановить чужую злую волю. Долгая и причудливая борьба окончена, но то, что приготовила судьба нашему герою, просто не укладывается в голове.

© Артюхов О., 2023

© Автор, 2023

Олег Артюхов

Рота

СТОРНО – бухгалтерский термин, означающий обратную запись с целью исправления ошибки. Обычно записывается красными чернилами, поэтому называется “красное сторно”.

ПРОЛОГ.

Возможно, кому-то кажется, что жизнь проходит день за днём, или ночь за ночью, у многих утро за утром. Но я теперь точно знаю, что она не проходит никогда.

Появляясь на свет, мы думаем, что начинаем жить с чистого листа, но это не так. Делая свой первый в жизни шаг, малыш и не подозревает, что лишь продолжает бесконечную цепочку шагов, теряющихся во мгле веков.

Привычно продираясь через будничную суету, мы всё время пытаемся примирить в себе добро и зло, совесть и корысть, милосердие и жестокость, и при этом вольно или невольно умножаем тяжесть лживого долга. И, когда этот гнёт становится невыносимым, каждый по-своему пытается избавиться от него, спасаясь в рабочем, алкогольном, наркотическом, спортивном или сексуальном угаре. Такова суть человека. Удивительно, но при этом нередко встречаются безумцы, уверенные, что жизнь началась именно с них и на них же закончится. Вызывающе размахивая своими пороками и страстишками, они торопятся впихнуть в себя побольше удовольствий и так куражатся, что напрочь забывают о невидимом нерве памяти, который тянется к каждому из нас из прошлого. В безумной сутолоке эта тончайшая нить незаметно обрывается и мерцающий маячок на пути в будущее тихо гаснет.

Странное дело, но некоторые личности умудряются жизнь за жизнью упорно вляпываться в одни и те же проступки, или ещё хуже – вообще ничего не делать. Иные добрые люди, придумавшие себе строгое мироустройство во главе с богом, называют такие жизненные оплошности смертными грехами. Они ошибаются, ибо смерти нет, а утверждаемый ими грех не что иное, как нагромождённая стена между настоящей жизнью и выдуманной.

На самом деле те бедовые провинности – это тяжкое обременение души, позволяющее человеку жить, но не дающее свободно дышать и искренне радоваться, мешающее подняться над обыденностью.

Но иногда таким бедолагам везёт, если на очередном повороте судьбы кто-то поможет им стряхнуть проклятый груз...

ГЛАВА 1

...Из безвидного сумрака поезд ворвался в бескрайнее пространство тёплого света. Промозглая муть нехотя отступила, и угрюмая стена тёмного тумана осталась позади.

Пыхающий дымом из высокой трубы старинный паровозик старательно тянул вереницу антикварных вагонов, постукивающих колёсами на рельсовых стыках.

Между тем пейзаж за окном постепенно менялся. Среди множества вспыхивающих солнечными зайчиками луж и водяных окошек появился лес. Сначала мелкий и чахлый он постепенно загустел и поднялся. И вот уже дорогу обступили могучие гиганты с неохватными извитыми стволами и высокими переплетёнными кронами, сквозь которые едва пробивалась небесная лазурь.

Паровозик натужно пыхтел и посвистывал, вытягивая вагончики из сказочного леса на простор живописной долины, очерченной далёкими синими горами слева и бескрайней водной гладью справа. Среди молодой зелени и цветников тут и там, словно сыроежки после дождя,

пестрели разноцветные крыши аккуратных домиков, между которыми виднелись причудливые дома повыше.

Под перестук колёс поезд бежал всё дальше и дальше, и за окном продолжал меняться чудесный вид, завораживающий необыкновенно яркими и сочными красками природы.

За цветущими лугами появилась кромка наполненной светом рощи, за которой поблёскивала спешащая к морю река, прижатая с той стороны высокой грядой каменистых холмов. С моста открылся вид на вспыхивающий завихрениями и мелкой рябью светлый поток. Протянув вагоны по ажурным конструкциям, паровозик смело нырнул в туннель, ведущий в толщу холма.

Не успел я проморгаться в попытке избавиться от внезапной темноты, как поезд уже выбрался из дымного туннеля. Дорога разделилась надвое, потом ещё и ещё, продолжая многократно ветвиться. Наконец, избрав один из путей, поезд замедлился и направился к перрону небольшого уютного вокзала. Паровозный свисток совпал со слабым толчком, и поезд замер у обрамлённой пышной сиренью пустынной платформы. Я оторвался от удивительной картины за окном и впервые оглядел купе.

Напротив сидели и, не отрываясь, пялились в окно два совершенно обалдевших типа. Один худощавый, бледный с прилизанной причёской тёмных волос и хлыщеватыми усиками в старомодном клетчатом сюртуке, узких полосатых брюках, манишке и тщательно повязанном галстуке-бабочке. В наше время так одеваться мог либо бесстрашный оригинал, либо артист на съёмках фильма о временах поздней империи.

Другой красномордый, рябой, бритый налысо типус, с толстенной золотой цепью на шее и взглядом наглого барана. Его одежда полностью соответствовала облику: чёрная кожаная куртка нараспашку, красная майка-алкоголичка, спортивные штаны «Адидаас», кроссовки. Типичный охмуратор фраеров ушастых, подвид человека – «грабяр обыкновенный». Оба одновременно повернули головы и уставились на меня.

– Господа, просите великодушно, если вас не затруднит, скажите, где мы? – промямлил худощавый, перебегая глазами с окна на меня, на мордатого и обратно. В его глазах плескался испуг, почти паника.

– Мля буду, ни хрена не секу фишку, – прохрипел мордатый, недобро зыркнув на меня.

– Понятия не имею, – я задумчиво почесал нос и продолжил, – меня зовут Павел.

– Афиноген, – дрожащим голосом произнёс худощавый, вытирая платком лоб и шею.

– Вован, – шмыгнув носом мордатый, продолжая сверлить меня взглядом.

Я немного задумался и решил отмотать ситуёвину назад:

– Дело ясное, что дело тёмное. Надо сопоставить факты. Предлагаю каждому вспомнить последние события. Иначе мы тут будем мозг ломать до морковкиного заговенья.

– А ты чё тут раздухарился не по масти? Что-то видок у тебя лягавистый. Может ещё на сознанку подпишешь? – сквозь зубы процедил мордатый, уставившись на меня исподлобья.

– Да, мне плоскопараллельны твои трудности, парень. Не хочешь, не говори. Надо сообразить, что почём, а ты ваньку валяешь.

– Пока не валяю, но навалать могу, – он выдвинул челюсть, дыхнул густым перегаром и процедил сквозь зубы. – Ну, лады. Давай разведём бодягу.

Я вопросительно посмотрел на Афиногена. Тот поёрзал, нервно вытер платком мокрые ладони, судорожно вздохнул и начал:

– Господа, третьего дня нарочный доставил мне депешу от генерал-губернатора с приглашением. В прошлом году мне посчастливилось прислуживать маэстро Де Пуильри и перенять у него новомодные приёмы ухода за руками, кои называются маникюр. По рекомендации маэстро меня приняли в московском салоне мадам Жермен. Уж не ведаю-с, чем я приглянулся господину Балясину, но он протезировал меня нашему генерал-губернатору Великому Князю Сергею Александровичу. Ходили разные слухи о его увлечениях, Москва всегда полна сплетен.

А в той самой депеше, адъютант Его Высочества господин Мартынов пригласил меня с инструментом обслужить Великого Князя. Господа, вы не поверите, как я обрадовался. Какая честь. Да и лишние ассигнации не повредят. К трём часам пополудни февраля четвёртого дня я уже битый час в нетерпении топтался у часовни Никольской башни, где мне было велено ждать. Замёрз, прошу прощения, как последняя собака. Чуток согрелся сбитнем, да с лотошником поболтал, а тут и карета. Ну, я с радостью и вышел вперёд, чтобы Его Высочество приметили-с. Едва карета поравнялась, как из толпы выскочил какой-то разночинец и что-то бросил. Более ничего не помню. Тёмная муть, всё крутится, потом светлое пятно, и вдруг я здесь. Кто-нибудь будет так любезен объяснить, что происходит-с, и где моя шапка и пальто. – Афиноген уставился на меня выпуклыми глазами и дрожащей рукой машинально пригладил набриолиненные волосы.

Я перевёл взгляд на Вована и приглашающее кивнул. Он скривился, цыкнул зубом и нехотя начал, по-простецки пересыпая речь млями, фуями и ёпами:

– Короче так. Вчера с пацанами в кабаке зависли с тёлками. Бухнули крепко. Потом бригадир разогнал. Стрелка с утра в Люберцах. Чуток покемарил. Очухался чуть живой. Чердак трещал, думал лопнет, – скривился Вован. – В дороге совсем растрясло, чуть не блеванул. Приехали. Базар сразу пошёл серьёзный. Все стволы потянули, я тоже достал. А руки ходуном. Паханы быстро до пальбы добазарились. Тут по башке и врезало... Темно стало... А потом свет... и вот... Короче, отвянь, – Вован набычился и уставился исподлобья.

Тут пришла и моя очередь...

Родился я в далёком шестьдесят девятом. Детство помнилось запахами новогодней ёлки и мандаринов, горячей канифоли, бензина и свежей выпечки. В нашем стареньком «Жигулёнке» всегда почему-то пахло бензином, как и одежда работающего водителем отца. Но не было ничего приятнее запаха горячих пирожков, когда, набегавшись на улице, голодный, как дворняга, я вваливался домой. Дымящейся канифоли я нанюхался, когда началось повальное увлечение средневолновыми передатчиками и нелегальными выходами в эфир. Однако, получив от родителей трендюлей после последнего предупреждения участкового, я переключился на электрогитары и усилители к ним. В тайне завидуя известности школьных музыкантов, сам не раз пытался научиться брэнчать, но, увы. Что не дано, то не дано. Зато я вовсю отыгрался на боксёрской груше и борцовских матах по вечерам в спортивных секциях. Потом моё увлечение плавно перетекло в полулегальную группу айкидо, которое меня нешуточно затянуло и в корне изменило мировоззрение.

Эта удивительная система самозащиты, как никакая иная, позволяет противостоять любому противнику, наглядно показывая, что чем сильнее нападение, тем большее агрессору. Философия адекватного ответа научила уважать себя, уравнивать в справедливом воздаянии силу и слабость, а также спокойно относиться к любым вывертам судьбы, ибо закон «как аукнется, так и откликнется» никто не отменял. И, что удивительно, эти принципы оказались пригодными для любых жизненных обстоятельств, поэтому айкидо стало неотъемлемой частью моей жизни.

Учёба в «Бауманке» вспомнилась особо. Студенческие вечеринки, посиделки с портвейном в заброшенном парке, провальные зачёты и неподготовленные коллоквиумы для меня закончились после второго курса, когда я познакомился с профессором Артемьевым Сергеем Ивановичем. Его кафедра конструирования аппаратуры меня буквально затянула в круговорот интереснейших разработок. Сам Сергей Иванович терпеливо и увлечённо возился со студентами, и к концу моего третьего курса вокруг него сложился кружок энтузиастов, которые дневали и ночевали на кафедре. Поначалу охрана с нами воевала, а потом махнула рукой.

Лично меня увлекла одна тема, связанная с постоянным и переменным магнетизмом. И именно тут меня поджидал сюрприз. Однажды, манипулируя с неодимовыми магнитами и сложными соленоидами, я увидел, что заметно сместилась обыкновенная спичечная коробка.

В этом феномене явно таился какой-то скрытый непонятный смысл, и он проглотил меня с головой. В поисках объяснения я исписал своими соображениями ворох бумаги, но решения не нашёл, перерыл кучу литературы, подсказки не отыскал и дико расстроился, оставшись лишь с мимолётной тенью догадки.

– Кх-м, – стоящий за моей спиной Сергей Иванович и с задумчивым спокойствием глядел на исчерченные набросками листы. И, похоже, наблюдал за мной он давненько. – Ну, что, мастер, не выходит каменный цветок? – едва заметная усмешка тронула его губы.

– Не выходит, – поморщился я, как от зубной боли и разочарованно вздохнул, – показалось, что кое-что нашупал. Попытался разобраться и совсем запутался.

– Ну, что ж, показывай, кадет, свои каракули. Попробуем отыскать в них корень или камень.

– Так выбросил я всё, – я искренне развёл руками и печально вздохнул. – Вон полная корзинка.

– Доставай и пошли ко мне.

Разобрав ворох макулатуры, я отложил полсотни измятых черновиков, кое-как разгладил их на коленке, сложил в рыхлую пачку и поплёлся вслед за профессором, чтобы до конца испытать чашу позора.

Его кабинет находился на отшибе и вплотную примыкал к подиуму рекреации с огромным окном и зарослями разной зелени в горшках и кадках. Рабочее место Сергея Ивановича отличалось необычным для руководителя интерьером. Он терпеть не мог престижных кожаных диванов, кресел и показушных полированных столов. На его простом рабочем столе стояли два монитора только что вошедших в обиход компьютеров, клавиатуры, городской и внутренний телефоны. Длинный стол-перпендикуляр занимала всевозможная измерительная аппаратура, генераторы, осциллографы и разные устройства помельче. К рабочему столу со стороны окна примыкал столик с инструментами для монтажа, катушками проводов, паяльниками и касетами с деталями. В дальнем тёмном углу особняком стояли стол, заваленный деловыми бумагами и высокий шкаф с толстыми папками для документов. Вместо кресел столы окружали простые стулья.

Привычно усевшись на своё место, профессор приглашающее махнул рукой и указал на ближайший стул.

– Давай-ка сюда продукцию мозговых мучений и необузданных фантазий, – он протянул руку и прихватил потрёпанную и измятую пачку бумаги. Насвистывая какой-то мотивчик и потирая гладко выбритый подбородок, Сергей Иванович задумчиво вглядывался в листы и медленно раскладывал их на три пачки.

– Как-то так... – он снял очки, на секунду прикрыл глаза, потёр двумя пальцами и, прищурившись, внимательно посмотрел на меня и подытожил. – Вот это верни в корзинку. Вот эти соображалки надо додумать, что-то в них есть, но очень сыро. А это, – профессор аккуратно подравнял три листа, – весьма и весьма интересно и... важно.

Я уставился на смятые листы и удивлённо взглянул на Сергея Ивановича, не понимая, что это я успел нарыть, и что он смог обнаружить в набросках и поспешных расчётах. А он задумчиво молчал, отвернувшись к окну и выбивая пальцами дробь. Пауза явно затянулась, и я с трудом пытался сохранить невозмутимость. И, когда я уже открыл рот, чтобы уточнить, что же всё-таки профессор имел в виду, он повернулся и начал издали:

– Небось удивляешься, что такого эдакого старик отыскал в твоих каракулях? А скажи, амиго, ведь всё время голову ломаешь над этим, – он постучал пальцем по листам, – и надоело всё, и по кругу ходишь, и давно бы бросил всё, да что-то мешает? А?

– Примерно так, – кивнул я.

– Умные бездельники обычно называют такое состояние творческим кризисом. Нет, нет, не пугайся, к дебилизму и слабоумию он не имеет никакого отношения. Я в таких случаях

откладываю работу в сторону на некоторое время. Понимаешь, если возбуждённый озарением мозг выплеснул множество гипотез и идей, то он не в состоянии сразу осмыслить и упорядочить этот клубок импровизаций. Дай ему время, и он всё разложит по полочкам. Теперь, по существу. В целом ситуация весьма прелюбопытнейшая. Конечно, ты изрядно напустил мутного тумана, но, тем не менее, здесь у тебя почти законченный проект прибора, претендующего на открытие. – Его глаза полыхнули азартом, и он начал объяснять на пальцах. – Смотри. Ты пытаешься согласовать взаимодействие постоянного и переменного магнитных полей в активной среде и придать силовому импульсу направленность. Это главная идея. А теперь маленькая подсказка. На что похоже твоё устройство? Правильно, на квантовый генератор. В чём отличие? Правильно, у тебя не предусмотрено рабочее тело. Теперь скажи, что ты пытался найти, когда увидел движение немагнитного объекта? Аномалию гравитации. И если квантовый генератор выдаёт поток когерентного электромагнитного излучения, то это твоё устройство должно генерировать что? Правильно, поток когерентного гравитационного излучения. Чувешь, куда ситуёвина выворачивает?

Я-то почуял, но все слова застряли в горле. И я, молча, кивнул. Профессор откинулся на спинку стула, опять побарабанил пальцами по столу, пожевал губами и ненадолго задумался.

– Так вот, – продолжил он, – если прибор должен генерировать поле-антагонист, то и вся топология устройства должна быть антагонистичной, причём во всех позициях. Там, где в квантовом генераторе прямой вектор, тут должен быть криволинейный, там, где прозрачно, должно быть наоборот, где плюс должен быть минус. Полная и абсолютная противоположность. И самое главное, ищи резонанс. Резонанс всегда является смыслом любого процесса. Теперь иди и твори. По большому счёту всё, что ты будешь делать, недопустимо, но как показывает мой опыт – необходимо. Где ключ от лаборатории знаешь. Только смотри, не спали там всё к едрене фене.

С трудом скрывая неподдельное восхищение стилем профессора, и напрочь ошалев от сказанного, я поспешно схватил мятые листы с набросками и бросился к двери, когда Сергей Иванович окликнул:

– И вот что, гардемарин, – я оглянулся, – в качестве рабочего тела попробуй взять растворы с разными катионами, или многослойный пакет кварца на инертном металле. И ещё, – его глаза смеялись, а на спокойном лице появилась мягкая улыбка, – пока не планируй никакие покупки на Нобелевскую премию. Ступай.

Мной овладел азарт. Раздувшись от собственной крутизны, я ломанулся в лабораторию и с перерывами на ночь проторчал там почти неделю, к исходу которой собрал прототип генератора. Воспоминание о той несуразной конструкции вызвало грустную улыбку и печаль о восторженном времени неожиданных радостей и открытий. Но, так или иначе, соленоид с третичной структурой вокруг тороида с раствором солей разных металлов, с акустическим диффузором с ниобиевыми магнитами и с двояковогнутой собирающей линзой из алюминия впервые дали устойчивый поток гравитонов.

Как ни странно, Сергей Иванович не обрадовался моим успехам и не разделил восторга первооткрывателя. Глядя на его нахмуренное лицо, моя радость быстро слиняла, и я прямо спросил, что не так? Он долго ходил взад-вперёд, засунув руки в карманы брюк, потом остановился, поднял на меня грустные глаза и, подбирая слова, тихо проговорил:

– Сказать по правде, я надеялся, что у тебя ничего не получится. Я очень надеялся. Ты спросишь почему? Видишь ли, Павел, то, что ты открыл – это опасная штука. Но на беду у тебя этакая настырность образовалась. Тебе хочется всего и сразу, а может выйти ничего и постепенно. В азартном запале ты думал только о воплощении своего замысла, а я увидел в нём инструмент корыстного манипулирования. Возможно глобального. Как говорится, был бы столб, а ворона всегда сядет. Наверняка ты полагаешь, что делаешь добро, но в итоге для человечества это может обернуться немалым злом. – На его лице появилась задумчивость и тревога,

и я начал вслушиваться не только в его слова, но и в интонации. – Я желаю тебе только добра. Послушай, и сделай, как скажу. Уничтожь черновики, спрячь подальше протоколы опытов, прибор разбери и прикуси язык. Я знаю, ещё наступят времена, когда ты сможешь объявить об открытии, но не сейчас. Оглянись. На дворе девяностый год. Сам видишь, что в стране творится. Порядка нет, власть брошена, повсюду развал. Твой генератор может попасть в злые руки и натворить кучу бед. А что ты можешь противопоставить грубой силе, когда у тебя ещё лапша на ушах не обсохла? Ты понял меня? Вот и ладно. А сейчас я хочу попрощаться. Уезжаю на Камчатку. Но помни, я за тобой буду приглядывать. Прощай.

Он чуть задумался, а потом приобнял меня за плечи. Крепко пожав руки, мы расстались. Я сделал всё, как велел профессор, и это не стало для меня трагедией. Закрутили институтские дела, диплом, а потом и срочная служба в армии.

О том периоде моей жизни можно было бы и скромно умолчать, подумаешь, нудные серые будни молодого сапога. Но как показали последующие события именно эти два года службы дали мне реальный шанс пройти дальше по кромке бритвы Оккама. Именно тогда я сделал первые шаги по извилистому и причудливому пути.

За два года жизни в танковом полку в Амурской области произошло немало самых разных событий и приключений, но, не смотря ни на что, я вспоминаю то время с особым чувством благодарности судьбе. Они дали возможность сопливному летёхе заматереть в суровых природных условиях, познать самого себя и получить бесценный опыт жизни в мужских коллективах.

Потешно вспоминать, как я с рюкзаком и спортивной сумкой припёрся на полковой КПП, пытаюсь пробиться к начальству. Разобравшись, кто я и откуда, оно, хмурясь и тихо матерясь, долго решало, куда пристроить свалившееся им на голову чудо в перьях. В конце концов, меня засунули во второй танковый батальон. Когда облачённый в не обмятую, пахнущую фабричным текстилем форму я впервые появился в казарме, чтобы представиться командиру, на меня с чувством глубокого сожаления смотрели все без исключения военные, даже новобранцы из горного Алтая. Да, и меня самого ощущение своей чужеродности загоняло с лёгкую тоску.

Прочитав сопроводилку и бумаги, комбат майор Рудин громко фыркнул, проворчал известное слово, рифмующееся с «холодец», с треском поскрёб щетинистый подбородок, забычковал сигарету и определил меня в первую роту взводным.

В своё время я наслушался разных баек и принял к сведению напутствия бывалых ветеранов, поэтому примерно знал, что меня ждёт. Во всяком случае, я считал, что и физически, и морально был готов к армейской экзотике.

Более того, роль неумехи-шпака меня сперва даже забавляла. Никаких комплексов. Ведь на самом деле я имел весьма неплохую предварительную подготовку. Ещё на военной кафедре я облазил и ощупал все наличествующие танки и тренажёры, и на тренингах и семинарах мух не ловил. Не знаю почему, но нравились мне эти грозные стальные мастодонты, я чувствовал их, слышал и понимал. В целом я знал себе цену, но традиции, есть традиции, и по негласному закону мне в батальоне предстояла «прописка». На первый взгляд тупая и оскорбительная традиция, но глубинный смысл в таком отношении к новичку имелся. Ну, и что, что ты лейтенант, здесь мир стали, пороха и повседневной опасной и грязной работы, а потому воины должны точно знать, кто ты на самом деле, и чего от тебя ждать. Так или иначе, пора было начинать тащить службу.

Ротный капитан Вихров сначала неприязненно косился, кривил губы и тихо ворчал. Потом смирился. Поговорили за жизнь. Хитрый мужик, тёртый, но и я не промах. Не стал ему говорить о своих знаниях, увлечениях и возможностях, чтобы сразу не огрести ворох бессмысленных и никчемных общественных нагрузок. Короче, закосил под исполнительного, но бестолкового шпака, с которого и взять то нечего. И впрямь, на кой болт была нужна мне вся эта околослужебная бодяга, куда интереснее повозиться с танками.

В холостяцкой общаге я устроился вполне комфортно в одной комнате с молодым прапором. Истинно спартанская простота: койка, платяной шкаф, тумбочка, стол со стулом – стандартный инвентарный комплект служивого холостяка. Молчаливый прапор проявил разумное уважение и не напрягал, да и виделись мы редко. Сразу разузнав в общаге что почём, в целом я неплохо устроился. А, когда обнаружил, что при клубе пустует спортзал, я и вовсе почувствовал себя почти счастливым. Закорешиться с начальником клуба не составило труда, и уже через неделю я вовсю топтался на матах и тянул связки на шведской стенке.

Вполне понятно и оправданно начальство сперва опасалось допускать меня до взвода, приглядывалось. Приглядывался и я, тем более, что армейская жизнь оказалась сложной и во многом непонятной системой отношений, традиций, ритуалов, терминов, обязательных к применению. Согласно народной мудрости, коли назвался клизмой, полезай в задницу, вот и я старался соответствовать этой поговорке, погонам и должности. Не придумав ничего лучшего, первые дни я хвостом ходил за ротным, задавая кучу вопросов. Через месяц мне уже казалось, что я стал матёрым воякой, на самом деле на фоне размеренной и устоявшейся жизни танкового батальона я выглядел большой белой вороной.

Очередным хмурым утром, встретив Вихрова у казармы, я, как обычно, поплёлся за ним в канцелярию. Зашли в расположение первой и второй рот. Дневальный на тумбочке слегка встрепнулся, задумался и неуверенно проговорил:

– Э-э... Дежурный по роте на выход.

Вихров будто споткнулся и аж зашёлся от возмущения:

– Воин, ты чё охренел? Почему «Смирно!» не орёшь?

– Э-э, не понял.

– Я... кто?

– Командир первой роты.

– А, ты кто?

– Дневальный 2 роты.

– Здесь расположение каких рот?

– Первой и второй.

– Значит, должен орать «Смирно!», как непосредственному начальнику. Понял, болван.

– Вон оно ка-ак... А наш ротный в курсе?

– Конечно.

– Ну, не знаю... Мне никто не говорил, что вы главнее его.

– Боец, тебя что огорчить до невозможности, сукин ты сын!

– А, вы, тащ капитан, не пугайте, я и так в наряде. А дальше Амурской области только Чукотка, авось туда не сошлёте. Вы сперва меж собой договоритесь, кто над кем начальник, а мне всё равно, что орать.

Ротный буквально взбеленился, скрипнул зубами и потряс кулаком, сдерживаясь от затрешины, поскольку ротный-два капитан Паничевский терпеть не мог, когда трогают его подчинённых. Он предпочитал лупить их в каптёрке сам, регулярно, вдумчиво и со знанием дела.

– Нет, ну, ты видел идиота! И таким технику доверили. Тьфу, млять, – ротный, тихо матерясь, зашагал в сторону канцелярии.

– Товарищ капитан, а..., – я не успел закончить, Вихров резко повернулся:

– Слыш, лейтенант, а не пошёл бы ты... уставы учить. План боевой подготовки почитай. Ступай во взвод, делом займись.

Пожав плечами, я отправился заниматься делом, не очень представляя, что это такое и с какого боку к нему подступиться. На моё счастье в тот день батальоне случился ПХД. Паркохозяйственный день. Короче, военные вылизывали и обслуживали технику. Вот эта работа как раз была по мне. Напаялив в каптёрке комбез, я потопал в парк.

Однако едва добравшись до места, я лишний раз убедился, что этот день явно не задался. Только я шагнул в полумрак танкового бокса, как раздался сильный хлопок с короткой вспышкой. Нет ничего поганее, чем пожар в забитом боевыми машинами танковом боксе. От масштаба воображаемой картины происшествия у меня по спине пробежали мурашки. Я с разбега запрыгнул на броню и за ноги вытянул солдата из открытого слегка дымящегося моторного отсека. Тот втянул голову в плечи и ошалело моргал вытаращенными глазами на опалённой физиономии.

– Глаза целы? Видишь меня?

– Ага, вижу.

– Что ж ты, дурында, бензином мотор моешь. Разве можно.

– Да, я только протирал. Сухими тряпками дочиста не ототрёшь. Масло да грязь.

– Эт-то что тут происходит! – В бокс ворвался толстый лысый красномордый капитан. – А, ну-ка быстро все ко мне, мать-перемать. Лейтенант, новенький что ли? Ты что тут вытворяешь, мать-перемать!

Я спрыгнул вниз.

– Лейтенант Кравцов, разрешите доложить...

– Сейчас же подам рапорт, чуть всю технику не спалил. Я тебе покажу мать Кузмы.

– Да, я только подошёл...

– Пришлют чёрте кого, мать-перемать, – с выражением брезгливого отвращения на пунцовой физиономии он выкатился из бокса и исчез за воротинной.

– Вы простите меня, тащ лейтенант, я, правда, не хотел, наверно кто-то чинарик бросил, – парень тёр покрасневшие глаза без ресниц и бровей и мял в руках засаленную пилотку.

– Быстро дуй в санчасть, пусть глаза проверят и лицо обработают. Скажешь, прислал лейтенант Кравцов. Я пока машиной займусь. Кстати, кто этот капитан?

– Так это ж зампотех Помидор... э-э-э... капитан Веселых.

– Всё, бегом в санчасть. Как фамилия?

– Младший сержант Воротынцев.

Парень убежал, а я осмотрелся. Как выяснилось, происшествие собрало немало зрителей, толпящихся в глубине бокса. Похоже, здесь собрались все работяги из ротного отсека: и молчаливые «гуси», и вертлявые «фазаны», и важные «старики». Бросив взгляд в толпу, я увидел и почувствовал целый спектр эмоций от сочувствия и любопытства, до циничной иронии и откровенного презрения. Из толпы слышались насмешки. Кто-то прикрикнул, и зеваки быстро разбрелись по машинам.

Я опять забрался на броню и сразу полез в раскрытый моторный отсек. Внимательно оглядел агрегаты и проводку, вроде всё нормально. Поднатужившись, я закрыл тяжеленные створки, прибрался и навёл порядок. Однако дырой дыру не заткнёшь, всё равно надо идти докладывать ротному о ЧП.

Необычно безлюдное расположение роты наполняла гробовая тишина, разрываемая доносящимся из канцелярии хриплым криком. Я подошёл к дневальному:

– Где Вихров?

– Леший его знает, убежал куда-то. Все смылись. Арков лютует. Не стоял бы на тумбе, я бы тоже смылся, – он шмыгнул носом и затравленно огляделся.

В канцелярии неистовствовал майор Арков, начальник штаба батальона и убеждённый хронический алкоголик. Как мне раньше поведал наш ротный, майор Арков редко появлялся в батальоне среди бела дня, предпочитая вечер, выходные или праздники. Из-за его привычки долго и больно тиранить первого встречного, завидев тощую долговязую фигуру начштаба, обычно прятались все живые существа, даже мыши и дежурный по роте.

Между тем за распахнутой дверью канцелярии разыгрывалась трагедия батальонного масштаба. На землистом лице сидящего за столом майора под опухшими красными глазами

угрожающе шевелилась сизая слива носа. Перед ним стояли два сжавшихся солдатики. Они походили на загнанных в угол мышей, и если была бы малейшая возможность, то наверно постарались бы прошмыгнуть в щель под плинтусом.

– Значит, из санчасти вас придурков выписали. Жаль, что не сдохли, – Арков воткнул окурок в пепельницу. – Вам, долбо...бам, говорили, что антифриз яд?!

– Так точно.

– В журнале за это расписывались?

– Так точно.

– Так какого ... выжрали?!!

– Все говорят, не пейте, мы и подумали – дефицит, значит обманывают.

– Тупорылые м...допереблуды, лучше бы водки нажрались!

– Так мы и за водку расписывались, что нельзя...

– Разпере...банные раздолбаи!! Если бы антифриз можно было пить, его давно бы офицеры с прапорами выжрали. Пошли на ..., долбодятлы идиотические!! Тебе чего? – упёр в меня набрякшие сосудами бельма Арков.

– Я по поводу происшествия в парке.

– А, так это ты устроил? Прибегал уже зампотех, сообщил.

– Да, я только вошёл в бокс...

– Садись, пиши докладную, и иди.

– Куда?

– На... Куда хочешь.

Быстро написав цидульку, я вышел из казармы и нос к носу столкнулся с тремя ротными, стоящими справа от входа и шумно обсуждающими свои дела. Они разом повернулись и уставились на меня, я отдал честь и уже хотел обратиться к Вихрову, когда меня опередил ротный-два Паничевский. Его круглая наглая физиономия с жёлтыми выпуклыми глазами, и плотная фигура с неприлично толстыми ногами, на которые не лезли собранные гармошкой голенища сапог, совсем не соответствовали глубокому баритону. В батальоне он слыл остро-словом и любителем чёрного юмора. Паничевский подбоченился, уставился на меня и хмыкнул, скривив пухлые губы:

– Кстати, анекдот. В гарнизоне тревога. Летёха подходит к танку с глухого похмела. Заползает внутрь, втыкает ТПУ, морщится от головной боли и шепчет: «Э-э, как это... раздавай... нет... раздевай... нет, не то... разливай... ага, вспомнил – заводи!». Ха-ха-ха. Кстати, советую всем подальше зажигалки убрать, от греха, а то пироманов тут развелось.

– Вот что, Кравцов, – взял меня за руку и отвёл в сторонку хмурый Вихров, – не в службу, сходи в штаб полка, возьми у секретчика бумаги, и не торопись. Домой зайди, и после обеда часа через три-четыре занесёшь в канцелярию.

Как известно, только в России обед – это не еда, а время суток. Ближе к вечеру я передал ротному бумаги, он, не глядя, бросил их в ящик стола и, устало протерев глаза, попросил вечером побыть в роте до отбоя и приглядеть за порядком. Пожав плечами, я согласился.

Кто служил, знает, что нет ничего желаннее для солдата, как час до отбоя, когда все обитатели казармы занимаются личными делами, перетирают проблемы, по мелкому и по-крупному нарушают устав и свободно общаются. Я тихо зашёл в расположение, чтобы не ломать народу кайф. Однако на этот раз из обычного солдатского галдежа выделялся голос старшины Карпенко, который перед строем в центральном проходе что-то вкрадчиво внушал воину, болтающемуся на спортивной перекладине. В привязанном брючными ремнями за руки к трубе солдатики я признал Воротынцева. Обессиленный он висел, как сосиска, и по всему было видно, что он уже не только не мог подтянуться, но и дышал через раз.

– Старшина, что здесь происходит?

– А, что происходит? Ничего не происходит. Физической культурой занимаемся. Шли бы вы, товарищ лейтенант... отдыхать. Я сам разберусь с некоторыми любителями побаловаться с огнём.

– Отойдём на пару слов, старшина, – я махнул рукой, приглашая его за собой в каптёрку.

Карпенко, нехотя и вальяжно, прошествовал за мной. Чисто петух в курятнике. Господин и повелитель цыплят и невысиженных яиц. Похоже, он не ставил меня ни в грош. Ну-ну.

В тесной каптёрке я плотно прикрыл дверь, подошёл вплотную к наглому хохлу, прихватил за ремень и, скрутив его на кулаке, приподнял старшину на согнутой руке. «Кусок» задёргал в воздухе ногами, издал громкий хрюк и вцепился в стеллаж. В его выпученных глазах плескался неподдельный страх. Бедный каптёр с перепугу закопался в шкафу с барахлом и затих.

– Слушай сюда, говнюк, говорю только один раз. Если ты считаешь меня лохом ушастым и тупым недоумком, то сильно ошибаешься. Я не буду на тебя жаловаться, просто покалечу, и спешить на дембель уже не придётся, зачем твоей гарной дивчине хрюк без яиц. Если понял, мотни головой. Ну, вот и молодец, – я поставил его на пол, поправил куртку и ремень, отряхнул погоны, – а теперь беги к роте и сними Воротынцева. Народ не распускай.

Старшина с размаха пнул дверь ногой и вывалился в коридор. Немного выждав, я вернулся в расположение. В проходе толпилась вся первая рота, да, похоже, не только первая. При виде меня народ слегка выстроился. Старшина стоял в отдалении и демонстративно играл желваками. Когда я ему подмигнул, он удивлённо вскинул брови.

– А, что, воины, кто у вас самый крутой физкультурник? Что никого? В такой лихой роте?

После короткой заминки вперёд вышли трое. По виду старослужащие. Поджарые, жилистые. Взгляд уверенный. Я кивнул на перекладину:

– И, что даже подтянуться сможете?

Они заушмылялись, сбросили куртки и по очереди начали демонстрировать стандартную связку: подъём переворотом, выход силой и подъём разгибом. Молодцы, лихо и чётко.

– А, тебе, слабо? – я повернулся к Воротынцеву.

– Отчего ж, только руки вот потянул, может быть, завтра, – он смущённо потряс поси́ншими кистями. Я скрипнул зубами, но вида не подал.

– Вы сами, то, товарищ лейтенант, подтянуться сможете? – а вот и старшина прорезался.

Я снял португую и фуражку, расстегнул верхнюю пуговку и схватился за перекладину, чтобы крутануть короткую связку, популярную в спортивной секции. Жаль, что канифоли и накладок нет, могу сорвать кожу на ладонях. Сапоги тоже тяжеловаты. Ладно, авось не опозорюсь. Размах. Верхняя стойка на руках. Большой оборот. Опять выход в верхнюю стойку. Поворот в верхней точке. Оборот на одной руке. Мах назад. Перелёт углом. Оборот. Соскок. Пол ударил по ногам. Надо терпеть. Слава богу, не завалился. А кожу на руке всё-таки сорвал. Ладно, потом разберусь.

Я огляделся и увидел совершенно обалдевшие глаза солдат, а старшина, так и не успев захлопнуть рот.

– Вот это да-а-а..., – кто-то выдохнул в толпе.

Застегнув пуговицу, я надел португую и направился к выходу, потом повернулся и, как бы между прочим, сказал:

– Кстати, в полку спортзал пустует. Если кто хочет уехать домой с красивым сильным телом, а заодно научиться кое-каким интересным приёмам борьбы, скажите Карпенко, он составит список, а я с капитаном Вихровым договорюсь. Это касается роты, а мой взвод идёт обязательно.

Однако планы планами, а жизнь, как всегда, всё вывернула по-своему. На другой день после развода комбат собрал офицеров и хмуро сообщил, что через месяц намечаются окружные учения с присутствием генералитета и членов военного совета округа, а посему батальон

на неделю направляется в сопки на расчистку плацдарма и обустройство подъездов для начальства. Комбезы и старая подменка – у старшин, шанцевый инструмент – на складе, там же палатки, кухня и прочее барахло.

Заросший корявыми берёзками и дубками с твёрдой, как железо древесиной мелкопочник раскинулся от горизонта до горизонта. Слава богу, что не требовалось рубить просеку до края земли. «Всего-то» верста на четверть версты. Глядя на тупые, как валенки топоры, я направил сержанта Юхиму и трёх бойцов в мастерскую как следует подготовить и наточить инструмент на всю роту. Обычное дело. Пустяк. Но, кто бы мог подумать, что из-за этого пустяка потом я огребу кучу проблем. Собственно говоря, с тех самых окаянных топоров и началась череда моих неприятностей.

Оказавшись на месте, бойцы принялись лихо вырубать заросли, оставляя за собой низкие пеньки и дымящиеся кучи веток. Через пару дней приехал комбат, довольно хмыкнул, глядя на делянку нашей роты, и вложил люлей Паничевскому, бойцы которого безнадёжно отстали, измучившись до кровавых мозолей из-за тупых топоров.

Вечером, прогуливаясь по распадку между двумя сопками по единственной приличной дороге, я оглянулся на странный звук. Остановился. Через минуту из-за поворота показалась бегущая толпа солдат в комбезах с заплечными мешками, с надетыми противогазами, с лопатами и ещё бог знает с чем на плечах. За ними катился «Урал», напирая на отставших. За рулём я разглядел перекошенную злобой физиономию Паничевского. Совсем ошалевшие от усталости и отчаянной безысходности солдаты терпели, стиснув зубы, хрипло дышали, спотыкались и громко топали по дороге.

Пропустив бегущих, я вышел на середину дороги, глядя им в след. За спиной жалобно скрипнули тормоза. Не оборачиваясь, я присел и начал медленно переобуваться. Несколько раз взревев мотором, машина затихла, а солдаты остановились и со стоном буквально рухнули на землю.

– Уйди с дороги, щенок, – прорычал Паничевский.
– Вообще-то меня Павлом зовут, – и я принялся за другой сапог.
– Задавлю, сучонок!
– Сядете. Кстати, издеваться над солдатами никому не позволено.
– Не твоего ума дело, гадёныш! – Я почувствовал спиной, если бы он мог немедленно убить – убил бы.

Я не двигался с места. Сзади раздались отборные матюги. «Урал» взревел, поёрзал и звук дизеля затих за поворотом. Я поднялся, отряхнул комбез и потопал в лагерь. Судя по всему, сегодня я нажил себе смертельного врага. Что ж, серьёзный враг не хуже доброго вина, заставляет шевелить извилинами и веселит.

Намучились мы тогда, пропотели насквозь и мозолей набили, а учения отложили на неопределённое время. Кто бы сомневался, что так оно и случится.

После возвращения через пару дней я повёл одиннадцать бойцов своего взвода в спортзал. Начальник клуба для порядка немного покобенился, но обещания будущих побед и кубков открыли заветные двери. Привыкшие к военной форме ребята не сразу освоились в спортивной одежде, но потом раззадорились. Скажу сразу, их поразила эффективность и красота айкидо, а демонстрация приёмов привела в дикий восторг. Падая и поднимаясь, они наскакивали на меня почти всерьёз, но неизменно оказывались на полу. Их глаза горели от нетерпения, однако до самой борьбы было, ох как, далеко. Эту глину предстояло ещё мять и мять.

Так, в общем и целом, началась моя служба, которую, сказать по правде, и службой назвать было неудобно. Так, суета. Но чем хорош любой бардак, тем, что он рано или поздно заканчивается. Вот и у меня, наконец, наступил долгожданный день, когда батальон выехал на танкодром.

С самого утра ротный крутился поблизости, не раз намекая, чтобы я прикинулся больным и остался. Ясный перец. Не доверял новичку, переживал за показатели. Наивный. Рождённый ползать упасть не может. Вождение танка – моё любимое занятие и тайная страсть. На военной кафедре и на сборах мне посчастливилось вволю погонять броню. Поскольку большинство студентов реально боялись садиться за рычаги, я с удовольствием делал это за них. Но разве можно сравнить старые доходяги Т-55 с красавцами Т-72, стоящими в полку на вооружении. Одним словом, с вождения меня можно было выгнать только палками и вывезти в кандалах под конвоем.

Рота построилась у вышки. Команда. Первый взвод порысил к машинам, мой следующий. Суетливо перемещаясь около вышки, ротный не упускал случая подойти ко мне и в сотый раз капнуть на мозг напоминанием о сцеплении, скоростях и фрикционах, я кивал головой и внимательно смотрел на белые выхлопы из вырвавшихся на простор танков. Наконец поняв, что его не слушают, Вихров безнадежно махнул рукой и полез на вышку. Волнуется капитан.

Вот и моя очередь.

– Внимание заезд, по машинам, – сухо прозвучал из динамика отрывистый голос комбата. Мы с Воротынцевым побежали к танкам.

Подпрыгнул, схватился за ствол, взлетел на броню, протиснулся в люк, с лязгом закрыл. Включил ТПУ. Папу в маму, танкету на пуговку, ларингофон в горло. Втопил стартер. Дизель взревел и зарычал. Поддал обороты. Взгляд на приборы. Норма. Снял горный тормоз. Фрикционы на себя до упора.

– Вышка, 205 готов.

– Я вышка, 205, 206 вперед. Вперед.

Сцепление, газ, обороты до 2000, вторая передача, сбросил фрикционы. Поехали! Обороты, третья. Обороты, четвертая. Пятая. Приборы в порядке. Упёрся лбом в триплекс. Видимость нормальная... Тормоз, фрикционы, поворот. Снова разгон, четвертая, пятая, шестая... Притормозил на горке. Слишком резко. Не уверен, не тормози. Разгон... Малёк перегрев, переключился и слегка поддал газу. Вентилятор охладил движок. Порядок... Ага, вот и яма. Скинул обороты. Переключился, вполз в воду на третьей, внизу втопил педаль... Впереди «змея». Наигрался фрикционами досыта... Двойной поворот... Всё. Исходная.

– Вышка 205 вождение закончил. Приборы в норме. Повреждений нет.

– Я вышка. 205 к машине.

Нейтралка. Горный тормоз. Ноги с педалей. ТПУ долой. Теперь бегом на вышку, докладывать.

Выбрался наружу, по привычке быстро протёр чистой тряпкой триплекс и распрямился. Над трансмиссией струился нагретый воздух. С высоты танка было видно, как 206 только начал входить в первый поворот. Я схватился за ствол и спрыгнул вниз.

У вышки меня встретил улыбающийся Вихров и гудящий улей роты за его спиной. На фоне улыбки удивлённые глаза ротного выглядели странным диссонансом.

– Ну, Павел..., как тебя по отчеству?

– Андреевич.

– С тобой, Пал Андреевич, седым и припадочным станешь.

– Не уложился?

– Кой хрен, не уложился, – он перешёл на шёпот, – ты первый и ни одного сбитого, – я догадался, что он про столбики, и снова громко, – Ты, где так гонять научился, растудить тебя через колесо? Эт-то ж, песня. Эт-то ж картина маслом, леший тебя задери. Молодца. Иди наверх получай свою порцию сладкого. У-у-у, чертяка, – он ткнул меня в плечо, продолжая широко улыбаться.

На вышке комбат внимательно посмотрел на меня, хмыкнул и сказал всего пару слов:

– Нормально. Ступай.

Внизу стояли ротные, зампотех и замполит капитан Гроссман. Вихров с Паничевским о чём-то спорили. Но едва я шагнул с лестницы на землю, офицеры замолчали, а ротный-два повернулся, сощурил свои выпученные глаза, слегка оскалился и нарочито громко пробаритонил:

– Некоторым придурочным москвичам, садящимся за рычаги, неплохо бы знать, что у танка имеются три вида препятствий: выдолбы, надолбы и долбо...бы.

Я улыбнулся, развёл руками и спокойно возразил:

– Это устаревшие сведения. Кое-где встречается и четвёртый вид: мозгодолбы.

Паничевский, кажется, вспух от ярости, его гадская морда покраснела, он поджал губы, резко повернулся и полез на вышку. Офицеры посмеивались и пожимали мне руку.

Дни шли за днями, и постепенно служба перестала восприниматься, как обременение. Помимо вождения, искренне захватывала стрельба. На кафедре не удалось получить должные навыки из-за слабенькой матбазы. Но здесь совсем другое дело. Правда, вкладные стволы не давали почувствовать настоящую мощь оружия, но штатные выстрелы были дороги, и солдатиков учили стрелять из 37-миллиметрового вкладыша, что, в общем-то, было правильно.

Ночные стрельбы – отдельная песня. Это вам не мыло по тазику гонять. Тут нужен навык и спокойная уверенность. Поэтому, когда ротный сообщил о предстоящей стрельбе ночью, я немного заволновался. Вихров успокаивал:

– Не бойсь, Павел, днём попадал и ночью попадёшь, сам знаешь, в танке главное не портить воздух.

– Здравия желаю, господа офицеры, – мы повернулись, в паре метров сзади, заложив руки за спину, стоял Паничевский, покачиваясь с носка на пятку и обратно. В его словах сквозила зловещая учтивость, а глаза источали холодный яд. – Завтра ночные стрельбы, а посему вызываю танкового мастера, – он брезгливо кивнул головой в мою сторону, – на дуэль. На точность. Проигравший лично чистит пушку победителя. Отказавшийся публично объявляется трусом.

– Принимаю, – глядя на напыщенного индюка, меня охватил весёлый азарт, – товарищ капитан прошу вас быть моим секундантом. – Вихров удивлённо пожал плечами и машинально кивнул головой.

Вечер следующего дня батальон встретил на полигоне. Багровая дымка заката погасла, и на стрельбище опустилась ночь, освещённая лишь куцым огрызком луны, наполнившая пространство таинственностью и волнением. Мигали огоньки подсветки, из темноты раздавались голоса невидимых участников и отрывочные команды, вокруг происходило неясное движение, имеющее какой-то скрытый смысл. И среди бескрайнего океана загадочной темноты лишь я сам оставался островком более-менее понятной реальности.

Комбат явно был в курсе дуэли и потому отложил её напоследок. Однако долгое ожидание сыграло со мной злую шутку. Рутинная тягомотина, усталость и глубокая ночь сделали своё дело. Я привалился к снарядным ящикам и незаметно заснул.

– Павел, вставай, твой заезд, – Вихров тряс меня за плечи, – еле тебя отыскал, хорошо Карпенко подсказал. Давай, давай, просыпайся. Смотри, не вздумай опозориться. Сразу засеки ориентиры, искать мишени не придётся. Учти небольшой ветер справа, и влажность повышена, целясь на бздюлечку правее и выше. И, самое главное, не суетись.

А я и не собирался суетиться. Отдых прояснил сознание. Встряхнувшись, как собака, я моментально сосредоточился. Как всегда, в экстремальных ситуациях, меня охватил весёлый азарт, кураж и на языке начала вертеться старая песенка:

«Легко на сердце от песни весёлой,
она скучать не даёт никогда,
и любят песни деревни и сёла,
и любят песни большие города...».

Я пристроился к ожидающемуся команды экипажу, напевая себе под нос и весело поглядывая на надменное лицо Паничевского.

– Экипажи, по местам.

Быстро запрыгнул на броню. Первым в башню. Рядом заряжающий. Командир почти верхом на мне сзади. ТПУ в порядке. Стабилизаторы в порядке. Протёр окуляр ночного прицела. Включил, видимость нормальная. Ага, вот и ориентиры.

– 205 к стрельбе готов.

– 206 к стрельбе готов.

– Я вышка. Внимание. 205, 206 вперёд. Вперёд.

Танк медленно тронулся по дорожке. На всё про всё 3 минуты 10 секунд. Клацнул клин, пушка сыто проглотила снаряд. На фоне мертвенно-зелёной подсветки чётко выделялись уголок прицельной марки и прицельные шкалы. Мишень поднялась вдруг левее, чем я ожидал. Танк. Дистанция 800. Подработал стабилизатором. Поправка на одну тысячную вправо. Под обрез цели. Выстрел. Трассер ткнулся в край. Слегка шевельнул стабилизатором. Выстрел. Поправка. Выстрел. Мишень упала. Поднялась другая, танк в окопе. Меньше первой, видно плоховато. Дистанция 700. Аккуратненько подвёл прицел. Выстрел. Трассер во что-то попал и свечой ушёл в небо. Выстрел. Танк тряхнуло на выбоине. Прицел сбился. Поправка. Выстрел. Горло защищало от пороховых газов. Заработала вытяжка. А вот и ПТУР. Мишень медленно поползла слева направо. Дистанция 500. 20 патронов. Упреждение. Очередь. Поправка. Очередь. Ещё очередь. Всё. Мишень упала.

– 205 стрельбу закончил.

– 206 стрельбу закончил.

– Я вышка. 205, 206 на исходную.

Танк крутанулся на месте, я развернул башню стволом назад, и механик погнал машину в сторону вышки.

В потёмках роты уже грузились в кузова Уралов, чтобы отправиться в казарму. А у вышки на освещённом пятачке столпились офицеры батальона. Не за что бы не подумал, что выходка Паничевского вызовет такое оживление публики. По очереди мы доложили комбату и устали на него, ожидая вердикта. Рудин обвёл всех холодным взглядом:

– Результаты стрельбы засчитаны, но данные с пульта нужно подтвердить визуально. Сейчас подъедет начальник мишенного двора прапорщик Щеглов и сообщит свои данные. Если совпадут, будем считать их окончательными, – он прокашлялся, отвернулся и демонстративно принялся листать какие-то бумаги.

Я скинул «говорящую шапку», подставляя взмокшую голову свежему ветерку, и невольно посмотрел на Паничевского. А того просто распирало самодовольство от абсолютной уверенности в своём превосходстве. Ещё бы, в батальоне он считался лучшим стрелком. От возбуждения и неприязни ко мне Паничевский совсем утратил чувство меры. Он в упор смотрел на меня, скалился, кривлялся и двумя руками делал движения, будто кулаком чистит ствол.

Через четверть часа из темноты вынырнул Уазик. Выскочивший из него прапор быстро передал бумагу комбату, отступил и откровенно уставился на меня. Рудин прокашлялся и слегка осипшим голосом зачитал вердикт:

– Дорожка первая. Машина номер 205. Наводчик капитан Паничевский. Мишень 12 – «танк», два попадания. Мишень 12-Б – «танк в окопе», два попадания. Мишень 17-А – «ПТУР», три попадания. – Он сделал паузу, обвёл взглядом тихо переговаривающихся офицеров и продолжил, – оценка отлично.

Моё настроение упало ниже уровня городской канализации. Это был шикарный результат. Я уже оглядывался, где взять тряпку для чистки ствола, когда комбат продолжил:

– Дорожка вторая. Машина номер 206. Наводчик лейтенант Кравцов. Мишень 12 – «танк», два попадания.

Офицеры удивлённо загалдели. Паничевский слегка набычился, и на его скулах вспухли желваки.

– Мишень 12-Б – «танк в окопе», два попадания.

Вокруг разлилась тишина.

– Мишень 17-А «ПТУР»..., – майор замолчал и, выдерживая паузу, посмотрел на Паничевского, – пять попаданий. Вот так, господа-товарищи, танкисты. М-м-да.

Гробовую тишину разорвал крик Паничевского:

– Это ошибка! Это подстава!!

– Что-о-о?! – На майора Рудина было страшно смотреть. Кажется, он увеличился в размерах и его глаза метали молнии. Но Паничевский уже ничего не соображал, он как кабан-секач попёр на меня.

– Убью, сопляк!!

Адреналин резко натянул звенящие нервы. Буквально на автомате я схватил протянутую ко мне руку и перенаправил импульс движения. Паничевского крутануло в воздухе и, он спиной влетел в пустые снарядные ящики. Отлично. Большому кораблю – большая торпеда. Я продолжал спокойно стоять на месте. Ничего уже не соображая от ярости, негодьяй вскочил и снова метнулся ко мне. Шаг в сторону, рывок за руку, подправил ногой, и злополучный капитан, пропахав мордой по мелкой щёбёнке, затормозил метрах в трёх от комбата. Я бросил взгляд вокруг. Ошеломлённые офицеры, молча, стояли, образовав полукруг. И тут я увидел у поднимающегося с разбитой физиономией Паничевского в руках пистолет. Вот это уже совсем ни в какие ворота. По спине пробежали холодные лапки страха. Ничего не бояться только идиоты и мертвецы, а помирать так рано совсем не входило в мои планы.

Бешенство и ненависть придали ему нечеловеческие силы. Паничевский резко развернулся, но я успел крепко прихватить вооружённую руку, крутанулся, разгоняя инерцию, и перевёл захват в бросок. Но, этот гад всё-таки успел нажать на курок. Плечо будто горячим паяльником проткнули. В горячке схватки я не обращал внимания на боль и дожал мерзавца и придавил коленом вооружённую руку, с трудом подавляя желание расквасить ему морду.

Офицеры вышли из ступора, бросились на Паничевского, моментально его обезоружили, скрутили, встряхнули и поставили на ноги. Он сразу сдуслся, обвис, а выражение лица отупело и потекло. Всех окончательно привёл в чувство голос Рудина:

– Санинструктора сюда. Быстро! Товарищи офицеры, отправляйтесь к своим ротам, они уже заждались в машинах. О произошедшем здесь ни слова. Длинный язык отрежу. Помните о чести. Капитан Гроссман отведите Паничевского в мой Уазик и присмотрите за ним.

Предутренняя свежесть неприятно охладила голый торс, благо сержант санинструктор не мучил долго. Он ощупал моё плечо, обработал, туго забинтовал и помог одеться. Боль быстро притупилась.

– Что тут? – в голосе Рудина слышалось неподдельное беспокойство. К его суровому взгляду добавились тревожные складки в углах рта.

– Без особых проблем, товарищ майор. Рана чистая, кость и сосуды не задеты. В санчасти зашьют и порядок.

– Ну, ну. – Он немного подождет, – сержант, можешь идти. И помалкивай. Ты меня понял?

– Так точно, – сержант собрал укладку, козырнул и побежал к машине. Солдаты за руки втянули его в кузов.

– Что мне с тобой делать, Кравцов?

«Зажарить и съесть» усмехнулся я мысленно, и сделал невинное выражение лица. Рудин вдруг от души рассмеялся, покачал головой и подал руку:

– Вставай, снайпер, одевайся, поедешь вместе со Щегловым. На этот раз вонючую кашу, которую вы тут заварили, придётся расхлёбывать всем вместе. Но следующий раз, лейтенант,

будь внимательнее, чтобы опять на гвоздь не напороться. На большой толстый поганый гвоздь. Понятно?

На месяц меня освободили от службы. Спорт был противопоказан, и я наконец-то занялся любимой мной электроникой. Наладив и перечинив всю бытовую аппаратуру в общаге, я добрался до роты связи, где спецы приняли меня как родного и сразу усадили за наладку новомодных компьютеров, от которых сами шарахались, как чёрт от ладана. Вспоминая те допотопные устройства, я искренне удивлялся, как на них могли что-то путное рассчитывать и обеспечивать управление частью. А, когда налаживать и чинить стало нечего, я обосновался в будке старой радиорелейной машины, приспособленной под мастерскую, благо списанной аппаратуры, разных деталей и комплектующих в ней было завалилось.

Да, да, я опять начал возиться со своим генератором. Ну, не давал он мне покоя, и всё тут. Я, безусловно, помнил слова профессора Артемьева, но исследовательский зуд доконал меня, и решив для себя, что в этом тёмном деле можно остороженько поковыряться, я взялся за паяльник.

В этой пещере Алибабы из кучи запчастей собрать простейший вариант устройства не составило большого труда. Дольше я ломал голову над поиском тороидального контейнера для рабочего тела, пока мне на глаза не попала резинová камера от мотороллера. Постоянные магниты вытащил из старых динамиков, а собирательную линзу мне выточили из алюминия в полковой реммастерской. Немного пришлось повозиться с подбором резонансных частот на соленоидах, задающем диффузоре и параллельных триггерах. Однако через три дня все детали были соединены и согласованы, и, собрав их в относительно компактное устройство, я упрятал его в пустой ящик для инструментов.

После выздоровления в роте меня встретили с молчаливым одобрением, и несколько раз за спиной я слышал: «наш-то лейтенант». Вот это и называется – прописка. Теперь в батальоне я стал своим.

Следующие зимние полгода я медленно крутился в треугольнике: рота-спортзал-радио-мастерская. Однако служба как-то незаметно отошла на второй план и, потратив немало времени, я всё-таки довёл генератор до ума.

Что я всё, «генератор, генератор». Сам по себе сначала он был неизвестной величиной. Я собирал его, воплощая замысел, и понятия не имел, чего от него ожидать. Первые опыты меня слегка разочаровали. Направленный широкий поток излучения, действительно двигал любые мелкие предметы. Ну, двигал, и, что с того? А потом мне пришла идея свести поток в узкий луч. Но как было оперировать с невидимым излучением? И тогда я решил применить известные законы оптики, вывернув их наизнанку. Используя принципы устройства классического проектора, я соорудил конденсор, добавив вторую линзу, и за ними установил пару линз для сведения потока в тонкий луч. После математического расчёта позиций я установил линзы, а для удержания капризного излучения вместо отражателя поместил всю сборку в медную трубу с избыточным отрицательным зарядом, изолировал и окружил простым соленоидом.

Сказать, что результат первого же опыта меня потряс – ничего не сказать. Я долго сидел и тупо смотрел на дырку в подшипнике, который использовал в качестве мишени. Собственно говоря, это был не пробой. Просто в точке попадания луча любое вещество ненамного, но резко сжималось, отчего по контуру полностью разрушались молекулярные связи, затем притягивающий эффект гравитонов выдёргивал облучённый фрагмент из мишени. Проще говоря, если обычное механическое или энергетическое воздействие разрушало объект, разрывая его структуру, то гравитационный луч как бы схлопывал облучённый участок и выдёргивал его из объекта, как пробку из бутылки.

Открытие сначала вызвало трепет. Совершенно ошеломлённый результатом, я с перепугу вынул из прибора линзы, закрыл мастерскую на замок и дней десять в неё не заходил. За

это время сходил начкаром в караул, получил втык за плохое обслуживание техники и основательно выложился в спортзале, тренируя моих архаровцев.

Однако никогда не бывает так плохо, чтобы не стало ещё хуже. Как говорил незабвенный Сергей Иванович, мозг своё дело туго знает, а я бы добавил: и всегда ищет приключения на задницу хозяина. Переполненный соображениями и идеями я снова повернул ключ в замке заветной будки.

Первым делом я поставил под короткий импульс кусок танковой брони, найденный в ремзоне. После тихого щелчка из толстого куска металла выпал гладкий стержень диаметром миллиметра три, а в железяке появилась сквозная дырка. Подключение от сети через трансформатор и реостат, и повышение мощности тока дало ожидаемый результат, но теперь луч провертел дырку не только в броне, но и в стенке мастерской и пробил насквозь бетонную стену ангара, возле которого стояла будка. Слава богу, ангар был забит разным заброшенным старьём на колёсах, так что большого ущерба не случилось. Меня охватила противная внутренняя дрожь, когда стали понятны опасения профессора Артемьева.

В целом ситуация начала проясняться, но оставалась одна занятная деталь. В следующей серии опытов я попытался определить может ли поток гравитонов переносить информацию, также как лучи света переносят образы. Полученные результаты основательно меня потрясли. Оказывается, в противоположность фотонам света, которые отражаясь от поверхностей, создавали изображение объектов, гравитоны проникали сквозь предметы и переносили информацию о внутреннем устройстве, то есть о структуре.

Чтобы не повредить препараты, я расфокусировал блок собирающих линз, и генератор выдал относительно широкий луч. Затем для насыщения потока гравитонов информацией я начал помещать в фокальной точке разные предметы. В конце концов, выяснилось, что облучённые объекты меняют свойства только тогда, когда находятся либо в жидком состоянии, либо, если возбуждены внешними колебаниями. Для этого можно было использовать звук или ультразвук, но в первых опытах я просто стучал по объектам молотком. В итоге привычные предметы приобрели невозможные и невероятные свойства. Броневая сталь разбивалась как хрупкое стекло, а стекло становилось прочнее стали. Расправленный свинец, облучённый через легированную сталь, приобрёл необыкновенную твёрдость, хотя плавился при тех же 327 градусах.

Я увлёкся, как средневековый алхимик, и, потеряв осторожность, совал под излучение что ни попало, пока сам не попал под луч. Поистине, дураку и дела дурацкие.

Лукавый дёрнул меня попробовать воздействовать на биологические объекты. Обработанное, через легированную сталь куриное яйцо внешне не изменилось, но когда случайно упало, то зазвенело по полу, как железяка. Сказка про курочку рябу, да, и только! Подняв яйцо с пола, я посмотрел его на просвет, оно, как и положено яйцу, свет пропускало. Ударил молотком. Металлический звук и ничего. Целое. Ну, это уже не лезло ни в какие ворота. Специально притащил кипятильник, и злорадно сунул упрямое яйцо в воду. Для надёжности поварил подольше. Стукнул. Звенит. Потихоньку расковырял скорлупу. Поддаётся. Нажал сильно, хренушки. Затвердело. Ладно. Медленно отламывая чешуйки, очистил небольшой участок. Осторожно нажимаю пальцем. Мягкое. Пытаюсь воткнуть нож. Не лезет. Даже кончик лезвия сломался. 3-3-зараза!

В охватившем меня азарте я совсем забыл об осторожности. Почувствовав необычную вибрацию на кисти левой руки, я метнул взгляд на генератор и с ужасом увидел на блоке управления огонёк индикатора. Идиот! Забыл выключить! Доигрался! Я поспешно щёлкнул тумблером, и, замирая от страха, медленно перевёл взгляд на левую руку. Вопреки ожиданию, вместо окостеневшей или скрюченной стальной конечности, рука имела обычный вид. Уже неплохо. Проглотив тугой комок, я попытался пошевелить пальцами. Шевелятся!! Сжал, разжал кулак. Всё, как всегда! Фу-у. Слава богу! Но почему? Внимательно осмотрев руку, ничего не заме-

тил. Кожа, как кожа, вены, старые шрамы. Я вспомнил опыт с яйцом и постучал по руке обухом ножа. Раздался металлический звук. Выше кисти кожа не изменилась. Та-а-ак, кажется, приплыли. Сморщившись, я надавил лезвием на ладонь. Нож, скрежетнув, соскользнул. Ого! И, раз пошла такая пьянка... я зажмурился и со всей дури вдарил по руке молотком. Бзынь! Молоток отскочил.

Уставившись в запylённое окошко, я тупо смотрел на машинный двор, ничего не видя. Похоже на этот раз я перешагнул границу здравого смысла, и подсознание, как чуткая охранная система, громко вопило об опасности. Зато сознание исследователя начало всё раскладывать по полочкам, но при этом вежливо предупредило, чтобы ни одна живая душа не узнала о том, что здесь произошло.

Происшествие буквально выбило меня из колеи, я по инерции выполнял служебные обязанности, и всё время посматривал на левую руку, ожидая каких-нибудь перемен. Но рука вела себя обычно, хватала, сжимала, удерживала, подхватывала. Вот только попасть под удар этой руки я бы никому не посоветовал.

Однако через месяц переживаний я опять прокрался в мастерскую и, как последний идиот, продолжил экспериментировать с генератором. В голове забрезжила интересная догадка. На этот раз моей идеей было использовать в качестве возбудителя при облучении звук, то есть гармонические акустические колебания. Другой идеей стало использование для передачи свойств однотипные кассеты с тем или иным веществом. Я назвал их рекордерами.

Где-то я прочитал, что самым крепким органическим веществом является паутина, которая прочнее стали в 2-3 раза, то есть паутинка диаметром в 1 мм могла бы выдержать груз в 300 кг! Полазив по задворкам ангаров и старых складов, я погонял пауков, набрал отличной паутины и зарядил её в рекордер. В качестве препарата решил использовать свой комбез. Немного помучавшись с акустикой, я его обработал и потом таскал без сноса до конца службы.

Но меня неудержимо тянуло продолжить опыты с живой тканью, и эта нелепая идея закончилось тем, что, замирая от жути, через рекордер с инструментальной сталью я облучил обе руки по локоть. Обрабатывать всё остальное я откровенно побоялся.

Как известно, человек ко всему привыкает, привык и я к новому состоянию конечностей, тем более что на повседневной жизни это никак не отразилось. Подсознательно я ждал чего-то такого этакое, но месяц проходил за месяцем и руки были, как руки.

Если вы когда-нибудь занимались наукой, то должны знать, что учёный люд, кто немного, кто побольше, но все без исключения с приветом. А уж если касается разработок собственных идей, то у любого исследователя вовсе башню сносит. Это в точности про меня. Да, да, я опять полез под излучение и на этот раз сунул в пасть неизвестности, простите за выражение, свою бестолковку. Вот тут надо сказать, ощущения оказались незабываемыми. Когда голова оказалась в потоке гравитонов, в глазах и где-то внутри вспыхнули мгновенно меняющиеся разноцветные узоры. Если у кого-то в детстве был калейдоскоп, то это очень похожие картинки, но более быстрые, красивые и упорядоченные.

Ясное понимание того, что опыты зашли слишком далеко, стало последней каплей, переполнившей чашу здравого смысла. Не испытывая ни малейшего сожаления, я разобрал генератор и раскидал все его детали по ящикам. Закрыв будку на ключ, я вернул его связистам и больше в мастерской никогда не появлялся.

Служба окончилась просто и обыденно весной девяносто третьего. Меня провожала вся рота и все офицеры батальона, кроме Паничевского. Они искренне пожелали мне удачи и доброго пути.

Возвращение домой тоже произошло спокойно и буднично. Мать меня обняла и долго не хотела отпускать, сестра обмусолила и немного повисела на шее, довольный отец достал из закров бутылку беленькой, и мы дружно посидели за столом в кругу семьи. Но даже под градусом я не стал говорить своим, что привёз из армии стальные руки и башку.

Погоуляв и отоспавшись с недельку, я начал забег по разным предприятиям и учреждениям в поисках работы. Однако через месяц мой энтузиазм упал до самой низкой отметки. На мой покрасневший от стыда диплом повсюду смотрели, как на пустое место, а один кадровик на полном серьёзе поинтересовался, где я купил такую красивую красную книжечку. Усидев от отчаяния бутылку коньяка, я пришёл к выводу, что удивляться тут нечему. Если погрязшая в спекуляциях, воровстве и мошенничестве страна сошла с ума, могут ли власть предержащие и всё руководящее сословие быть здравомыслящими? На хрена такому государству инженеры, учёные и вообще люди думающие? А коли так, то, чтобы выжить, спрячь подальше свой диплом, отключи мозги, бери челночные сумки и дуй на рынок торговать турецким и китайским барахлом. А если морда пошире, кулаки покрепче и совесть на затылке, то можешь податься к бандитам трясти на рынке кошельки у бабок с морковками.

На семейном совете долго ломали головы и решили, что мне нужно открыть частную мастерскую по ремонту бытовой электроники. Ну что ж дело привычное, но в бизнесе я был полным профаном. То есть абсолютным. Приглашённая на разговор соседка бывшая бухгалтерша тётя Надя обещала помочь с финансами и отчётностью. Отец взялся оформить нужные разрешающие документы. А маманя, используя личные связи и знакомства, договорилась об аренде двух комнат в полуподвале соседней «сталинской» многоэтажки. От меня требовалась только качественная работа.

Как ни странно, дело быстро пошло на лад. Основательно обедневший народ, тихо матерясь сквозь зубы, проходил мимо богатых витрин с новыми телевизорами и магнитофонами и тащил ко мне полусдохшую старую электронику. Реанимация помогала не всегда, но в основном люди были довольны. Как выяснилось, лучшая реклама – это репутация, и вскоре меня завалили работой, и все зимние полгода я вкалывал не покладая рук. Появились деньжата, и пора было серьёзно подумать об удовольствиях.

Как-то после полудня, потягивая пиво и слушая «Битлов», в окне мастерской я разглядел сидящего на скамейке мальчишку лет двенадцати. Наклонившись, он гладил толстолапного ярко-рыжего щенка и разговаривал с ним, будто что-то доказывая. Не знаю, чем привлекла меня эта парочка, но я вышел во двор и уселся с ними рядом. И щенок, и мальчишка вопросительно и как-то оценивающе уставились на меня.

– Здравствуйте, дяденька, – вежливо начал мальчишка.

– И тебе не хворать, дружище. Гуляете?

– Нет. Вот не знаю, куда рыжего пристроить.

– В каком смысле?

– Бродит тут, скулит. Жалко его. Похоже умный и добрый.

Я посмотрел на щенка, а он словно ждал, подошёл, поднялся на задние лапы, положил мордочку мне на колени и посмотрел не по-собачьи умным взглядом. Я почесал его за ухом, а он прижался к руке.

– Как зовут-то твоего приятеля?

– Да, не приятель он мне. Просто знакомый. Не знаю, как его зовут... сейчас.

– Лобастый. Видать умная псина. Был бы человеком, стал бы мыслителем, а может быть и философом. А потому так и назовём его – Фил, или по-дружески – Филька.

Щенок замотал хвостом и пискляво брехнул.

– Дяденька, возьмите его. Не пожалеете.

– Да-а, проблемка. Дома-то тесновато у меня. А давай я его в моей мастерской поселю, как ты на это смотришь?

– Ну, что же, это весьма разумное решение.

Я слегка обалдел от такой фигуры речи, повернулся к мальчишке, но его уже и след простыл. И когда это он смыться успел? Недоумённо пожав плечами, я тихонько свистнул, приглашая Фильку к себе в «офис».

С тех пор того мальчишку я во дворе не видел, зато у меня появился новый друг. Филька быстро и нахально, но в пределах приличий, освоился в мастерской. Потом этот прохиндей начал меня воспитывать. Не смотря на окрики и строгие замечания, хитрый маленький попрошайка, всегда добивался своего, и устоять под его печально-наивным взглядом было невозможно. Без всяких команд по собственному желанию он часами сидел на хвосте столбиком, глядя, как я работаю. И, если он не торчал сбоку от моего рабочего стола, то слушал музыку, не любую, конечно, а только хорошую. В целом наши музыкальные вкусы совпадали. Утром, днём и вечером мы гуляли с ним по соседнему лесопарку, но на ночь я закрывал его в мастерской.

– Что там у тебя за жилец в мастерской образовался, – утром, наливая чай, поинтересовался отец.

– Какой такой жилец? – встревожилась маманя, вклиниваясь в разговор.

– Да, собачку Пашка завёл, – усмехнулась сестра, – ма-а-аленькую.

– Щенок приبلудился, пусть живёт, – не стал я оправдываться, – умный зверь, но возрастом не вышел. Через пару лет станет мощным псом.

– Эх, Павлик, Павлик, – вздохнула маманя, – когда же ты женишься? Внуков хочу.

– Ма, опять ты за своё, – мне ужасно не нравилась эта тема. По её понятиям лишь бы кого, но побыстрее. – Найти любовь в наше время всё равно, что отыскать воду в пустыне. По-моему, была бы шея, а хомут найдётся, так что ли? Я не тороплюсь.

– Зато я тороплюсь, – отворачиваясь, прошептала маманя.

В тот день я серьёзно призадумался о своей жизни, и пришёл к выводу, что, действительно, пора выбираться на простор из узкого холостяцкого мирка. Работа и айкидо уже не занимали меня полностью, а переполненная разными впечатлениями, идеями и замыслами голова уже начинала потрескивать. Сам себе на выбор я предложил два выхода: разгульная и полная приключений личная жизнь или продолжение своих исследований. Для исполнения первого варианта требовалось лишь забить на всё болт и пуститься во все тяжкие. Для второго мне, как воздух, был нужен мудрый совет Сергея Ивановича, чтобы наконец-то разобраться с тем, что я наворотил, и во что успел вляпался. В моей телеграмме с камчатским адресом профессора было всего четыре слова: «зверь вырвался из клетки».

Ко всему прочему меня не покидало внутреннее ощущение грядущих перемен. Исходя из известного жизненного закона про светлые и тёмные полосы, я понимал, что фортуна уже протянула руку, или, что там у неё вместо неё, чтобы выключить свет и затемнить мою жизнь. Предчувствия меня не обманули. Проклятый переключатель судьбы всё-таки щёлкнул тихим майским вечером.

Мы со щенком уже возвращались с прогулки, когда к ближнему подъезду подкатил шестисотый «мерин». В сложившейся системе социальных координат первой половины девяностых годов этот, в общем-то, обыкновенный лимузин почему-то считался признаком высокого положения и достатка. Проще говоря, на них ездили бандиты, политики и банкиры, что по большому счёту одно и то же.

Вальяжному типу в бордовом пиджаке, чёрных штанах и сорочке помог выбраться из машины его холуй в сером костюмчике. Он с полупоклоном придержал дверь и передал хозяину огромный, на сотню цветов букет шикарных чайных роз. Пока холуй сдувал пылинки с пиджака господина, рядом с машиной замерли два бугая, чёрные пиджаки которых буквально трещали от перекачанных мышц и дурного мяса.

Холуй угодливо распахнул дверь в подъезд, хозяин властным жестом повелел бугаям охранять машину, а сам прошествовал внутрь. Как назло, Филька начал носиться по двору, петляя между деревьями, я попытался его загнать, но бесполезно. Не на шутку осерчав, я наорал на него, пообещав оборвать уши, а этот маленький мерзавец, не моргнув глазом, забрался под «Мерседес» и принялся оттуда тявкать. Едва я приблизился к лимузину, как натолкнулся на монументальную фигуру телохранителя.

- Назад.
- Собака под машиной. Надо достать.
- Я сказал, назад, – его рот перекосила зевота.
- Тогда сам её выгони.
- Я сейчас точно кое-кого выгоню, – оскалился бугай, не сдвинувшись с места.

Ни уговоры, ни конфетка, ни угрозы не повлияли на хвостатого негодяя. Филька исподтишка посматривал из-под колеса, и, высунув язык,... улыбался, дрянь такая. Патовую ситуацию разрядил звук хлопнувшей подъездной двери. Оттуда с матюгами буквально вывалился «бордовый», а за ним выскочил холуй, на лице которого застыли страх и подобострастие:

- Николай Саньч, ну, как же так, вы не ушиблись. Позвольте помочь.
- Пшёл на хрен, козёл. Эта сучка ещё пожалеет, в ногах ползать будет, лахудра проклятая.

Тут буквально ему на голову обрушился растрёпанный букет роз, и на четвёртом этаже хлопнула балконная дверь. Пока я наблюдал эту сцену, Филька выбрался из-под машины и спрятался за моими ногами.

– М-м-да, кто-то явно пережил жестокий сексуальный облом, – мне показалось, что я произнёс это достаточно тихо, но уже садящегося в лимузин «бордового» словно током дёрнуло.

– Ты чё сказал, фраер? Повтори, чё ты сказал, – его голос сорвался на визг. Он вытаращился на меня в упор и начал обходить машину. Его перекошенная физиономия не предвещала ничего хорошего, тем более что из «мерина» уже повылезала вся его начинка.

Я помахал перед собой открытыми ладонями, показывая жест миролюбия:

– Всё, всё. Признаю, не прав, никого здесь не обломали, и среди почтенной публики обломанных не вижу.

– Издеваешься, муфлон. Да, я тебя..., – он яростно буравил меня взглядом, – Стас, Фёдор ну-ка отметьте урода.

Оба телохранителя, как заводные игрушки разом шагнули в мою сторону. Хлопнув в ладоши, я отогнал Фильку и приготовился к стычке. «Бордовый» делая вид, что едва сдерживается, топтался у машины, а оба качка приблизились с явным намерением качественно меня отлупить.

Помня о своих «железных» конечностях, я решил в реальной ситуации проверить непробиваемость моей защиты. Из всех сил подавляя боевые рефлексy, я стоял и ждал от бугаёв хороших концентрированных ударов. Однако они поступили иначе. Прямо скажу, подло поступили. Да, и сам я проворонил момент. Один отвлёл, имитируя нападение, а другой схватил меня за шею и затем стиснул сзади, прижав руки. И тогда первый, ослабившись, врезал в солнечное сплетение.

Врезать то он врезал, да, не попал. Извернувшись боком, я пропустил удар, резко присел, освободился от захвата и ушёл в сторону. Поняв, что жертва выскользнула, они взревели и почти одновременно ударили. А потом взревели ещё громче, когда раздробили кулаки о поставленные мной руки. В ярости один из бугаёв пнул ногой твякающего на него Фильку, и щенок с визгом улетел в кусты. Этого уже стерпеть не смог.

Борьба айкидо изначально создана для противодействия сильнейшему противнику, но на этот раз для надёжности одному бугаю я впечатал кулак в челюсть, другому в солнечное сплетение. Через полминуты оба бодибилдера вяло копошились на земле у ног их хозяина. А тот с растерянным выражением лица, трясаясь от страха, трусости и злобы, пытался справиться со своими руками, в которых ходуном ходил боевой ствол.

Вывернуть пистолет из неумелых рук было плёвым делом. А после удара по печени «бордовый» сложиться пополам и начал хватать ртом воздух. Секунду покачавшись на заплетающихся ногах, он свалился кулём и начал громко кхекать. Подняв за шиворот, я запихнул его на заднее сиденье, где, подвывая и стуча зубами от страха, сжался холуй. Затем пришлось встря-

хивать и приводить в чувство бугаёв. Мыча и кряхтя от боли, они втиснулись на передние сиденья, и я бросил им под ноги разряженный пистолет. Вся эта всклячка на виду нескольких домов мне жутко не нравилась, и, слава богу, что через пару минут «Мерседес» зарычал мотором и медленно уполз в арку, ведущую на улицу.

Выбравшийся из кустов Филька крутился в отдалении, явно побаиваясь подойти поближе. Я погрозил ему пальцем и похлопал по коленке. Он, низко опустив голову, подкрался и встал у ног, изредка поглядывая на меня шкодливymi глазёнками. Я легонько потрепал его за ухо и поманил за собой.

Не доходя до входа в мастерскую, я повернулся на громкий стук подъездной двери и увидел выбежавшую девушку. Обтягивающие брюки подчёркивали её стройные ноги, а светлая блузка – талию. Небрежно накинутая ветровка и живописный беспорядок на голове не портили портрет. Великолепный портрет. Единственный и неповторимый. Сладкий комок в горле и за грудиной не позволил сразу ей ответить. А потом накатил приступ амурного потрясения.

– Эти подонки ничего вам не сделали? Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите? – На её лице отразилось переживание.

– М-м-м. Да. То есть, нет. Всё нормально. Не беспокойтесь.

– Легко сказать «не беспокойтесь». Когда они на вас набросились и щенка ударили, я ужасно перетрусил.

– Так они ваши гости?

– Да уж, по таким гостям тюрьма плачет. Мерзавцы такие, – она видимо вспомнила подробности визита, прикусила губу и отвернулась, – здорово вы с ними расправились.

– Ну, и вы тоже снайперски кидаете букеты с балкона, – я улыбнулся, она засмеялась в ответ и протянула руку:

– Лара.

– Павел.

– Я вас несколько раз видела возле подъезда. Вы здесь живёте?

– Работаю. Вон моя мастерская. Телевизоры, компьютеры и всякая электронная мелочь.

– Ой, как здорово, – она захлопала в ладоши, – а у меня дома компьютер уже месяц стоит, наладить некому.

– А, муж?

– Нет никакого мужа.

– Хм. Когда зайти?

– Да, хоть завтра. В это же время. Квартира пятьдесят два.

– Добро. Завтра заскочу, – я украдкой коснулся её руки. Она смущённо улыбнулась, её лицо зарделось, а ресницы вспорхнули бабочками.

Я стоял, как громом поражённый. Такого закоренелого холостяка и циника как я трудно вывести из равновесия, но в этот раз я влип по уши. Втюрился. Втрескался. И потерял голову.

Восхитительная лёгкость чувств подняла меня над миром. Я уже видел нас на белом песке под сенью пальм у морского залива, очерченного изломанной кромкой гор между небом и водой. В эротических мечтах тёплый бриз слегка качал лунную дорожку на воде, шевелил листву и густые пряди ароматных волос.

Наши отношения развивались быстро и неудержимо, как горная лавина. И закончилось всё также быстро и неожиданно. Недаром говорят, что счастье – это временное психическое помрачение, вызванное избавлением от старых проблем при помощи новых.

Однажды июньским вечером, ожидая Лару, я прохаживался вблизи её подъезда. Непоседливый Филька вертелся под ногами. Одурающее пахла отцветающая сирень. В зелени парка на все голоса чирикали и щебетали пичуги, над головой синело бесконечное небо. Десяток разномастных дворовых старух несли неусыпную вахту, рассевшись по скамейкам.

Приглядевшись, на дальнем краю двора я заметил шестисотый «мерин», но насторожился только тогда, когда рядом с ним мелькнул бордовый пиджак.

Всё дальнейшее слилось в одну сплошную ленту. Дверь подъезда распахнулась, слегка ударившись о стену. В проёме появилась Лара, разговаривающая с кем-то в подъезде. Раздался громкий тревожный лай Фильки, почему-то переходящий в глубокий низкий собачий рык. «Бордовый» махнул рукой. Сердце ёкнуло, предвещая беду. Сзади накатил плотная волна опасности. Я резко обернулся. Затянутый в тёмную кожу человек с холодными гадючьими глазами, из которых глядела смерть, поднял короткий автомат. Раздалась длинная очередь.

Я не успел испугаться. Молнии выстрелов чиркнули по краю сознания, и мощными грозовыми раскатами ударили в тело. Рассудок ещё ничего не понял, а внутренности уже разорвала страшная боль, и в глазах вспыхнул фейерверк, разлилась быстро темнеющая муть. Тело стало тяжёлым и бестолковым. Небо и земля повернулись... Потом всё пространство заполнили огромные испуганные глаза Лары, и в ушах угас её истеричный вопль... Мгновенно промелькнула физиономия того самого мальчишки со двора... Филька ткнулся мокрым носом в лицо... Господи, как же мне хреново... Почему-то в глаза назойливо лезет синий костюм врача... От дорожной болтанки в тесном душном салоне «скорой» голова пошла кругом, остатками обрывающегося сознания я понял, что это конец. Последним угасающим сожалением были разбитые надежды на добро и любовь. Навалилась крошечная тьма, в которой лишь громыхали затихающие свистящие удары сердца...

...Ду-ту.

Ду-ту.

Ду... ..

... – Всё кончено, – я выпал из состояния глубокой задумчивости, внезапная догадка обожгла сознание, и я не узнал собственного голоса, – как это ни прискорбно, мы все умерли.

– Ты чего, с дуба рухнул, – прохрипел Вован, – как это умерли? Вот мои руки-ноги. Вон сирень за окном. С дыркой в башке зелёнку не пьют. Да пошёл ты..., – он выбросил пальцы веером, плюнул на пол, поднялся и с матюгами вывалился из купе.

– Да, уж, Павел, – проблеял Афиноген дрожащими, белыми, как мел губами, – что-то вы напутали. Оревуар, месье, – он выскользнул из купе и понуро поплёлся следом за бандитом. Мне померещилось, будто он поджал хвост.

В голове клубился сумбур разных мыслей. Хотелось забиться в угол от отчаяния, но усилием воли убедив себя, что всё это наваждение, и, не желая без толка засиживаться в купе, я вышел на пустой перрон. Тишина, ни шороха, ни звука. Яркое солнце, разносящий пьянящий аромат лёгкий тёплый ветерок, фантастический узор облаков в ясном небе и абсолютное безлюдье лишь подчёркивали нереальность окружающего мира. В конце платформы за остеклённым навесом, поддерживаемым увитыми цветами колоннами, виднелись распахнутые на обе стороны высокие двери, и я зашагал в том направлении.

Внутри открылось объёмное пространство. Круглый в плане высокий зал хорошо освещался через остеклённый потолок. На два яруса внутренних балконов вела мраморная лестница с ограждением. Внизу между расположенных по кругу высоких дверей висели гобелены. Напротив большого камина с канделябрами стояли диваны и кресла со столиками между ними. Рядом настенные жирандоли подсвечивали богатый бар с каменными полками и столешницей. В других простенках выделялись огромные аквариумы без живности, стеллажи с книгами и какими-то артефактами, старинные доспехи и оружие на стенах. Однако во всём этом великолепии не присутствовало и капли жизни. Плотная густая тишина ощутимо давила на нервы, и я специально ходил, громко топая по светлому полированному камню пола.

Пройдя по кругу, я по достоинству оценил роскошное убранство, открыл одну из множества дверей и слегка оцепенел, поскольку увидел знакомую до последней мелочи обстановку. От волнения в горле появился комок.

Комната точно копировала мою детскую. На широком подоконнике теснились многочисленные поделки, в которых я узнал свои работы разного времени. На придвинутом к окну старом письменном столе, превращённом в верстак, валялись инструменты, электродетали, деревяшки и железки. Там же лежала недоделанная электрогитара. Я и вправду последнюю не доделал. Пол вокруг стола был усыпан рабочим мусором. На покрывающих стену от пола до потолка полках теснились разные книги от фантастики и приключений до справочников по радио и словарей немецкого и английского языка. В углу рядом с диваном стояла тумбочка с катушечным магнитофоном «Вильма». На стене красовалась лично мной нарисованная прямо на обоях картина морского приюта, а пол покрывала потёртая красная ковровая дорожка.

Открывшаяся за другой дверью комната тоже повергла меня в изумление. Она во всех мелочах повторяла ту, которая была у меня после переезда во времена учёбы в «Бауманке». В углу стоял старый книжный шкаф. Я усмехнулся и, протянув руку в глубину, вытянул из тайника журнал «Плейбой». Там же в заначке лежало несколько десятидолларовых бумажек. Большой письменный стол с древним 286 компьютером и громоздким монитором, был завален дискетами и листами с моими записями, набросками и расчётами. Разложенный диван бугрился небранной смятой постелью. На стене висели плакаты и вырезки из журналов с портретами спортсменов, моделей и музыкантов. Спинку стула украшали потёртые джинсы и пара рубашек. На полу под ними рядом с пудовой гирей и гантелями валялись грязные «сырники». В углу приткнулась тумба с ящиками, набитыми деталями, целыми и разобранными устройствами, проводами и разными приборами.

В следующей комнате я узнал офицерскую общагу с казённой мебелью и моим нехитрым лейтенантским имуществом.

Не удивительно, что в четвёртой комнате располагалась моя мастерская по ремонту электроники.

Очередная комната заставила меня печально вздохнуть, и от бессилия подкатила слеза. В пустом помещении с абсолютно белыми стенами полом и потолком, посередине на россыпи блестящих автоматных гильз лежал букет чайных роз.

Нехотя я распахнул следующую дверь и остановился поражённый функциональной роскошью рабочего кабинета. Он был спроектирован и обставлен так, как я мог только мечтать.

Зайдя в очередное помещение, я увидел шикарную спальню с широкой кроватью под пологом, уголком отдыха, огромным плоским телевизором, журчащим фонтаном с цветами и просматриваемым за кисейной занавесью большим балконом. На балконе угадывалась стоящая женская фигура. Я сначала слегка обалдел, а потом обрадовался хоть какой-то живой душе.

Я нырнул за занавесь и вышел на просторную площадку. У мраморной балюстрады спиной ко мне стояла незнакомка в длинном персиковом платье, подчёркивающим великолепию фигуру. Её пышную причёску покрывала широкополая шляпа более тёмного оттенка, а светлый газовый шарфик шевелился под лёгким ветерком. Она медленно повернулась и с печальной улыбкой посмотрела мне прямо в глаза. Я впился взглядом в лицо незнакомки и никак не мог сосредоточиться. Её образ всё время ускользал и неуловимо менялся, делая её похожей то на молодую Мишель Мерсье, то на Зету Кэтрин Джонс, то на Натали Портман, то на Лару. По её губам промелькнула улыбка, и она поздоровалась первой:

– Доброе время, Павел.

– Здравствуйте. Но почему – «время», а не день?

– Здесь нет дня или ночи. Да, и времени тоже нет. Но надо же что-то говорить. Что касается здоровья, то здесь оно не требуется.

– Почему? – я смотрел на неё и жмурился, как мартовский кот.

– Не притворяйся. Ты уже всё понял, – её черты лица опять пришли в движение и сложились в новый прекрасный образ, – здесь мир твоей памяти и твоего воображения. Не скрою,

добрый и прекрасный мир, но реально несуществующий. Однако именно здесь ты являешься самым собой, и здесь всё определяют исключительно твои воля, желания, память и фантазии.

– А, как же всё это? – Я обвёл рукой открывшейся простор подёрнутой туманной дымкой цветущей холмистой долины.

– Это тоже всё только твоё.

– Тогда почему здесь ты?

– Пойдём, – она усмехнулась, брызнув весёлыми лучиками из глаз, взяла меня за руку, вывела в центральный холл, а сама отступила в тень.

Я глупо разинул рот и пришёл в замешательство. Посреди круглого зала стояло одно единственное кресло, в котором в тёмной обтягивающей одежде с множеством едва заметных блёсток сидел тот самый мальчишка с улицы, и в его по-стариковски мудрых глазах читались и укор, и сочувствие, и любопытство, и холодное знание. У его ног сидел... Филька. Но почему-то сейчас он выглядел как матёрый взрослый пёс. Не удержавшись, я ему свистнул, и он в ответ махнул хвостом и слегка скулянул. Мальчишка скосил на него глаза и недовольно качнул головой.

– Привет, Павел, – кивнул он ободряюще.

– Привет, – я смерил глазами его мальчишечью фигурку, – прости, не знаю, твоего имени.

– Не смущайся и называй меня как хочешь, это не имеет значения.

– А, что имеет?

– Твоя жизнь прожитая и непрожитая.

– Теперь уже всё равно, – я скрипнул зубами и нервно прикусил губу.

– Ты так думаешь? Тогда посмотри сюда, – он указал на пустой простенок между дверьми.

Я взгляделся, и ноги ослабли, отказываясь меня держать. Вместо стены открылся вид в мою квартиру. С жутковатым эффектом присутствия, будто я стоял там внутри среди своей семьи. Отец немного постарел, маманя тоже. Они сидели за праздничным столом, а повзрослевшая и похудевшая сестра держала на руках новорождённого ребёнка, рядом с ней стоял незнакомый мужчина.

– Молодец, дочка, какой парень получился! Как назовёте?

– Пока не решили, пять дней всего от рождения. Может Павлом?

Маманя прижала платок к глазам и отвернулась. Отец обнял её за плечи, кашлянул и сказал:

– Почему бы и нет. Пашка был хорошим человеком и достоин доброй памяти. Я за.

– Я тоже, за, – вздохнула мать.

Мужчина улыбнулся и спокойно ответил:

– Добро. Павел, так Павел.

Изображение исчезло, но в голове ещё продолжали мелькать образы и тени. Челюсти свело гневом. Я судорожно сглотнул, собрал в кулак всю свою волю и резко повернулся к мальчишке. В висках тупым пульсом билась обида. А это существо с ямочками на щеках сидело, откинувшись в кресле, сцепив руки и прикрыв глаза.

– Успокойся, Павел, – подал он голос, – у меня к тебе предложение. Ты должен сделать выбор: остаться в этом мире твоих грёз навсегда, или продолжить жизнь на физическом плане. Подумай.

Вместе с исходящей от мальчишки тёплой волны сочувствия пришло облегчение. Я смущённо поскрёб щёку:

– Тем, что меня вытряхнули из тела, как из изношенной одежды, я дорого расплатился за свои слабости, ошибки и амбиции. Мне всегда казалось, что знаю самого себя, но теперь не понимаю, что же я такое. Я математик и привык мыслить строгими категориями, а нынешний парадокс не укладывается в сознание, и меня гложут сомнения. С одной стороны, о таком мире можно только мечтать. Здесь комфортно и беззаботно, есть возможность думать, фантазиро-

вать и творить. Но при всём этом тут жутко одиноко, бессмысленно, холодно и тоскливо. А потому я предпочитаю альтернативу.

– Тогда ты должен понять, – не меняя позы, он поднял глаза, – что твоя душа, а суть ты сам, отягощены проступками. Они не критичны, но от них нужно избавиться, заново пережив их, и поступить согласно твоей совести, понимания правды и истины. А потом ты получишь тело... твоего новорождённого племянника.

– Нет!! Я не хочу лишать ребёнка его судьбы! – сорвался я на крик.

– Если ты думаешь, что украдёшь его жизнь, то ошибаешься. До первого вдоха судьба младенца не определена. Не ты так кто-то другой получит эту жизнь. Разве тебе не всё равно кто это будет? Тем более что твоя душа и это маленькое тело имеют очень высокое соответствие.

– Ну, если так... Но... – я облизал сухие губы, и в сердце кольнуло сомнение.

– Ты хочешь сказать, что ребёнку уже пять дней от роду, и он уже имеет личность? – Его взгляд затвердел, – а ты не заметил, что время относительно? Я бы сказал – всегда относительно. Твой племянник уже родился, и мы знаем, что он будет жив и здоров. А пять дней назад, или вперёд – это сущий пустяк.

– Хорошо, я всё понял. Я согласен.

– Тебя нельзя вернуть в твою прошлую жизнь, с ней безвозвратно покончено. Но тебе предстоит совершить поступки в чужой непрожитой жизни, в разгар уже прошедших событий. Не скрою, мы заинтересованы в твоём вмешательстве в уже свершившуюся историю, и чем решительнее ты это сделаешь, тем лучше. От тебя потребуется запредельное сосредоточение сил, воли, знаний, мужества и сострадания. Но в том непростом деле тебе поможет твоя долговременная память, которая активируется после переноса. Сама ситуация заставит тебя действовать на грани понятия добра и зла, но в делах своих всегда помни о здравом смысле и соразмерности, ибо даже самое нужное дело в избытке может обернуться бедой. Дай жаждущему ковш воды, и он будет спасён, а брось его посреди чистейшего озера, и он утонет. Зимой не вырастить хлеб, и бессмысленно ждать, что младенец сыграет на скрипке. При переходе тебе придётся снова пережить момент освобождения ментала, который вы называете смертью. Это потребует душевных усилий, но тебе помогут. И запомни, у тебя будет ровно шестнадцать дней и ни минутой больше, чтобы вмешаться в ход событий. Так что придётся сосредоточиться и действовать, не теряя драгоценного времени. Сразу скажу, что ты будешь ограничен в возможностях. Да, и прав у тебя почти никаких не будет. Так что, по сути, тебе нужно сделать невозможное и невыполнимое. Проще говоря, ты должен стать соломинкой, сломавшей хребет быку. Теперь главное: чтобы не произошло, всегда оставайся самим собой. Удачи тебе.

Он потрепал Фильку по загривку, а тот встряхнулся и уставился на меня своими хитрющими глазами. Я хотел было отвести взгляд, но не смог. Собачьи глаза увеличились в размере до бесконечности, и я провалился в них, как в чёрную дыру. Разверзлась наполненная космической стужей и мириадами звёзд бесконечная глубина...

...Ду-ту,

Ду-ту,

Ду...

...Остановившееся сердце обрушило на сознание клубящуюся тишину, в которой откуда-то с краю доносился затихающий свист. Мгновением позже забрезжил свет с суетой теней и добавился невнятный шум голосов:

–...адреналин в сердце... ..кальций... ..гидрокарбонат... ..разряд... .. разряд... .. кислород... ..разряд... ..всё... ..конец... ..Маша, время... ..жаль мужика...

Тени сгустились, и я со стороны отчётливо увидел фигуры медиков в зелёных пижамах с промокшими от пота спинами, столики с инструментами и аппаратурой и моё израненное голое тело, раскинувшееся на поверхности стола. Затем все образы потекли, закручиваясь

направо, и слились в сверкающую воронку с ярким пятном в центре. Холодный сквозняк затянул меня в эту трубу и вынес в пространство бесконечного света.

На фоне яркости обозначились три размытые фигуры. В центре высокая, другие пониже. Я изо всех сил пытался их разглядеть через поток света и не мог. Они стояли неподалёку и говорили обо мне.

– Не вовремя его прислали, – сварливо проскрипел правый, – его информационный центр ещё активен.

– Какая разница, – весело возразил левый, – мы рады всем. Подумаешь, чуть дольше адаптируется и всего-то. Пусть осмотрится, успокоится.

– Но он может внести ненужную турбулентность, – недовольно проворчал правый, – сейчас это нежелательно. Баланс энергий...

– Спор бессмыслен, Всевышнему виднее. Сказано смещение, значит – смещение, – примирительно перебил главный. – И, если подумать, то эта коррекция событий весьма желательна, поскольку уравнивает досадную погрешность.

– А и впрямь, неплохая идея, – оживился левый, – пусть закроет точку нестабильности и заодно отработает карму.

– В принципе я не возражаю. Идея по сути верная, – ворчливо согласился правый, – тем более что новичок нас слушает, пытается анализировать, значит, он адекватен и способен выдержать смещение. Однако нужно спросить и самого неопита.

– А, как же иначе? Обязательно спросим, – радостно подтвердил левый.

– Мир тебе, новичок, – раздался гулкий голос главного, – ты уже понял, что потерял своё физическое тело, и тебе придётся принять это, как данность. Опережая твой вопрос, скажу, что ты находишься в некоем запредельном пространстве, где личность сохраняется в неизменном виде. Тебя сюда направили для промежуточного воплощения.

– Сказать по правде, – проговорил, или продумал, тьфу, в общем, произнёс я, – мне совсем не понятно, где я, кто вы и о чём идёт речь.

– Речь идёт о помещении тебя в определённую точку прошлого времени в чужом теле.

– И на... прошу прощения, зачем и каким образом?

– Самому тебе делать ничего не придётся. Лишь переживёшь несколько неприятных мгновений. При этом абсолютно все прежние знания, воспоминания, навыки и привычки останутся при тебе. И более того, у тебя откроется долговременная память, ты вспомнишь даже то, что давным-давно забыл или узнал мельком и даже кое-что из прошлых жизней. Готов к переносу?

– Странно всё это. Но, по-моему, иметь тело лучше, чем его не иметь. Жалко, что чужое, и, что всего на две с небольшим недели. Готов!

– Хорошо. Ты получишь тело за минуту до его гибели. Не теряйся и сразу будь готов к действию. Если ты не справишься с заданием и умрёшь раньше срока, то будешь перенесён в следующую ближайшую точку нестабильности. Что скажешь?

– Я своих решений не меняю.

– Тогда приготовься, и не забывай у тебя всего шестнадцать дней. Удачи тебе, новичок.

Так в мою жизнь вторглась беда, которая, как известно, не ходит одна...

ГЛАВА 2

–...Твою ж мать!.. – Старлей встряхнулся, как собака, прокашлялся и протёр грязной рукой такое же грязное лицо, прочищая глаза от пыли, – добраться бы до этих сук, своими руками в клочья бы порвал! – Он сдул с изрядно потёртого бинокля пыль и приложился к окулярам, вглядываясь в подёрнутое сизой дымкой пространство перед окопами.

Я обнаружил себя возле командирской ячейки в частично осыпавшемся окопе с винтовкой в правой руке и прижатым к груди сидором. Не пытаясь что-либо понять, я огляделся из-

под каски. Обращённая наружу сторона туго набитого вещевого мешка была в клочья изорвана миномётными осколками. По руке из двух глубоких царапин каплями стекала кровь. Ага. Вот тебе и «...за минуту до гибели...». Я отложил в сторону растерзанный сидор, обмахнул лицо от пыли и земляной крошки.

—...Та-ак... Сержант Батов, – старлей повернул голову и уставился на меня воспалёнными глазами, – бегом на правый фланг, пусть Сафронов пулемётом причешет вон ту опушку. Задолбали миномёты, мать их в перекрёсток, продохнуть не дают. Да, патроны берегите, сучьи дети. Марш.

Значит, я сержант, и фамилия моя – Батов. Пригнувшись, я повернулся и едва сделал десяток шагов по окопу, протиснулся мимо бойца, как почва под ногами дважды вздрогнула, и тугая воздушная волна швырнула меня вперёд, забила уши ватой, оглушив и присыпав комьями земли. Вот так война обрушилась на меня, как самосвал бетона.

Очухавшись, я выбрался из-под осыпи, выплюнул грязный сгусток, проморгался и потряс головой, пытаясь избавиться от противного звона в ушах. По стенке окопа стекал песок. Сморщившись и теребя ухо, я вытряхнул из-за пазухи землю и выглянул за бруствер. Сквозь оседающую пыль и серый дым в просвете между подбитой немецкой «двойкой» и двумя дымящимися коробками броневиков показались тёмные фигуры. Вместе с ними медленно ползли два бронированных гусеничных вездехода с пулемётами на передних турелях. Даже за три сотни метров я разглядел уверенный шаг немецких солдат, их упрямо опущенные головы в стальных касках и почувствовал плотную волну исходящей от них злобы и ненависти. Я сморгнул из глаза упрямую соринку и огляделся.

Вместо командирской ячейки дымилась воронка. Из-под выброшенной взрывом земли торчала рука с намертво зажатым биноклем. Чуть дальше неподвижно скрючился старшина, с головы которого вязкими каплями стекала кровь и скапливалась в чёрно-красную лужу.

В паре метров возле задней стенки траншеи бугрился наполовину засыпанный землёй окровавленный ком, от которого несло запахом тёплых внутренностей. Дальше в окопе кое-где лежали мёртвые тела, копошились раненые и ошалевшие от миномётного обстрела бойцы. За разбитой командирской ячейкой двое бойцов суетливо приводили в порядок единственное ПТР.

В десятке метров у поворота траншеи молодой боец без каски коротко бил из ручного пулемёта, другой красноармеец, стоя на коленях среди медной россыпи гильз, выгребал из углов тощего сидора патроны и торопливо набивал потёртый пулемётный диск. Я на карачках перебрался через осыпь, приподнялся и бросил взгляд за бруствер. Тут же рядом свистнули пули, подняв облачка пыли спереди и позади окопа. На приближающихся броневиках надрылись пулемёты, поливая свинцом наши позиции.

На меня вдруг обрушилось понимание реальности и того времени, куда меня, как слепого щенка, забросила чужая воля. И, похоже, в намечающейся заварухе никакой миссии выполнить не удастся, поскольку вместе с наступающими немцами приближался мой последний час. От этих мыслей и от близости смерти противно стянуло кожу. Однако перспектива здесь очнуться сильно огорчила, и тугой комок гнева поднялся к горлу. Не отводя взгляда от приближающихся немцев, я подтянул ремень каски, поправил поясной и негромко хрипло запел.

Как уже говорил, петь не умею, но с детства привычка такая, когда волнуясь, так непроизвольно начинаю незаметно для себя напевать, причём мотив и слова как-то сами из головы выскакивают:

– Наверх вы товарищи, все по местам...

Рядом клацнул затвор винтовки. Пожилой боец, глядя в поле из-под края каски, поправил густые усы и подтянул:

– Последний парад наступает...

Пулемётчик протёр рукавом диск и приклад, бросил на нас взгляд и присоединился:

– Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»...

И вдруг справа и слева подхватили:

– Пощады никто не желает...

Вот это, да! Откуда что взялось. Откуда комсомольцы и выпестованные советской властью детишки могли знать старую героическую песню. В каких закоулках памяти, или в каких генах пряталась неукротимая сила духа наших предков?

– Все выпелы выются и цепи гремят...

Набирая силу, песня поднялась над наполовину обвалившимися окопами и продолжала шириться.

– Наверх якоря поднимают...

Потрескивая автоматными очередями и нестройными залпами винтовок, ряды противника уже показались в пределах прицельной дальности. Над головой противно свистели пули. Я скрипнул сжатыми зубами. Где же командиры? Где, вы, сучьи комиссары и политгерои? Навскидку, в окопах оставалось около полуроты. Да, почти нет патронов. Раненых до хрена. Но, похоже, и командовать некому.

– Готовые к бою орудия в ряд на солнце зловеще сверкают...

От злости вдруг пропала растерянность, и будто что-то толкнуло под руку. Изнутри поднялась спокойная уверенность и... знание что делать. От своего громкого голоса с неожиданным командирским металлом я сам слегка обалдел:

– Внимание, рота! Слушай мою команду!! Приготовиться к отражению атаки!! Гранаты к бою!! Стрельба по команде, прицельно! Боеприпасы беречь! Пулемёты на фланги!! Стрелять короткими! Петзеэщикам огонь по готовности!

Как-то незаметно отошёл далеко назад постоянный ежеминутный вопрос: долго ли осталось жить? Время споткнулось и замедлило ход. Между тиком и таким – вечность. Смерил глазом расстояние. До противника уже сотня метров. Вижу серо-коричневые пятнистые камуфляжные куртки, перекошенные ненавистью лица, злые глаза из-под касок. Они перешли на бег.

– Огонь!!

Прицелившись, я всадил пулю в пулемётчика на правом Ганомаге. Голова в каске исчезла, а ствол задрался вверх. Ружейный залп и пулемётные очереди явно сбили у немцев атакующий порыв. Слева задымился другой броневи́к, а через несколько секунд появилось и жирное пламя. С поля донеслись истошные крики боли и вопли ярости. Немцы падали, но их место тут же занимали другие. До атакующих гансов осталось около полста метров.

– Гранатами... Огонь!!

Стена взрывов поднялась перед атакующими, но они пёрли вперёд, как ненормальные! Я и раньше не жаловался на слух и зрение, а сейчас они обострились до предела. Руки действовали быстро, чётко и точно. Передёрнул затвор. Выстрел. У набегающего на меня гитлеровца между глаз появилась дырка. Упал. Выстрел. Унтер с автоматом, взмахнув руками, рухнул на спину. Передёрнул затвор. Прицелился. Предательски сухо щёлкнул ударник. Всё, патроны вышли.

– Слушай мою команду!! Примкнуть штыки!! За мной, в атаку!! Ура!!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом,

Гром пушек шипенье снарядов.

И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»

Подобен кромешному аду.

– Ур-ра-а-а!!!

Неправ был поэт, в рукопашном бою нет упоения, а есть выворачивающий душу страх и отчаянная ярость, превратившиеся в безумный кураж, когда сознание отбрасывается на задворки разума, а твоя и чужая жизни становятся мнимыми величинами. И смерть не где-

то там далеко, а здесь в твоих руках, на кончике штыка или ножа. Руки буквально чувствуют утекающую чужую жизнь, и глаза в упор видят гаснущий взгляд убитого тобой человека.

Отчаянная ярость вырвалась наружу диким воплем. Враньё, что бойцы в атаке орали: «За Родину! За Сталина!», из распяленных в ярости ртов нёсся лишь хриплый рёв и густой мат.

Выскочив из окопа, я сразу же столкнулся с высоким немцем. Он с разгона пытался пристрелить меня, но промахнулся. Я качнулся вправо, подбил его карабин и вогнал штык куда-то под каску. Крутнувшись на пятке, я с хрустом выдернул оружие, и тут же машинально пригнулся. Воздух над головой прочертила очередь. Вскочив, я качнулся влево, затем, низко присев, поднырнул под другую автоматную очередь. Ошалевший гефрайтер лупил от бедра и вряд ли бы попал даже на стрельбище, а уж в сумасшедшей атаке, тем более. Выпучив глаза, немец дрожащими руками пытался поменять магазин. Н-на! Штык под рёбра, поддёргнул вверх и стряхнул влево.

Я был словно в бреду, плохо соображая, плохо давая себе отчёт в происходящем. Разум и страх словно затухли, и едва теплились в моём озверевшем теле, не понимая, где явь, а, где бред. Всё смешалось и перепуталось.

Впереди двое с карабинами. Один споткнулся в миномётной воронке. Другой бросился ко мне и сходу получил прикладом в морду. По винтовке в руки отдался хруст костей. Вскочившему на четвереньки немцу с разворота врезал ногой в голову. Он, схватившись за лицо, откинулся назад и вбок. Прыжок. Штык с влажным треском вонзился в грудь. Выдернул. Взгляд вправо, влево. Усатый сцепился с немцем и никак не дотянется до ножа. Немцу штык в спину. Живи дед, не надо благодарности.

Мелькание оружия, рук, ног, выпученные глаза, звериный рёв из десятков разъявленных ртов, крики, стоны, русский и немецкий мат, кровища, вонь и грязь всё смешалось в тугом комке рукопашной схватки.

Справа сапёрной лопаткой рубился давешний пулемётчик. Слева усатый выдёргивал нож из скрючившегося фрица. Суки, немецкие! Да, когда же вы кончитесь. Рванув штыком по шее автоматчика, я едва увернулся от струи крови, но оступись в рытвине. Вражина смертельной хваткой вцепился в винтовку и вывернул её из моих рук.

Бой продолжался, а я остался без оружия. Мимолётная мысль, что я отпрыгался, добавила ярости и быстроты. Набегающему гансу я саданул на вдохе ногой в печень и сразу снизу кулаком в горло. Он захрипел, и рухнул безжизненным кулём. Всё, аут, не жилец.

Издав дикий крик, я кинул взгляд на обе стороны и вдруг понял, что немцы и впрямь кончились. Ошалело оглядываясь, я трясущимися руками стащил каску. Адреналин громко пульсировал в артериях. Дуновение летнего ветерка чуть шевелило слипшиеся от пота, крови и пыли волосы. Соль противно жгла глаза. Бой закончился, и меня будто из розетки выдернули. Вместо безумной ярости навалилось равнодушие и опустошение.

Не сдерживая тяжкое дыхание, я тупо обвёл взглядом поле боя и стоящих тут и там бойцов. Вид их был ужасен: пот, кровь и грязь прилепили расхристанные гимнастёрки и штаны к телам, перепачканные землёй и кровью, растрёпанные обмотки, разбитые башмаки и сапоги, грязные в потёках крови и пота лица. Многие потеряли в драке пилотки и ремни.

Изрытую взрывами и истоптанную сотнями ног землю усеяли трупы в тёмном серо-коричневом камуфляже, среди которых светлыми пятнами выделялись гимнастёрки убитых и раненых красноармейцев.

Стараясь ступать твёрдо и сдерживая слабость в ногах, я сделал несколько шагов и бесильно опустился на труп. С шипеньем выдавился воздух сквозь его сжатые зубы, и из носа вздулись кровавые пузыри. Невольно вспомнилась фраза из «Воспоминаний о войне» Николая Никулина, отчего тоскливо сжалось сердце: «сегодня тебе повезло, смерть мимо прошла. Но завтра опять надо атаковать. Опять надо умирать, и не геройски, а без помпы, без оркестра и

речей, в грязи и смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь среди трупов и сгниёшь, забытый всеми под насыпью заросшей бурьяном липкой глины».

– Наша взяла, командир, – прохрипел усатый, придерживая окровавленную руку, наспех замотанную грязным бинтом.

– Тебя как звать-то, ветеран? – я с трудом ворочал языком.

– Ну что ж, Васька, давай сызнова знакомиться, – он криво ухмыльнулся, – Семён Леонов, по батюшке Иваныч.

– Не обижайся, всю башку отшибло.

– Да, ладно, третёдни, как встрелились, да бои всю дорогу. Тут любой изумится.

– Семён, позови пулемётчика, что-то у меня голос пропал.

– Эй, Сашка, подь сюды.

– Чего тебе.

– Не чегокай, командир зовёт.

– Ты миномётчиков причесал? – едва ворочая пересохшим языком спросил я подошедшего Сашку.

– И даже побрил. Два диска выпустил. Последних.

– Пока тихо, возьми пару бойцов и проверь миномётную позицию. Аккуратнее там, могут мёртвыми прикинуться. Вернёшься, доложишь. Семён Иваныч, организуй бойцов, надо собрать оружие, боеприпасы, солдатские книжки и зольдбухи. Главное, собери пулемёты и патроны к ним. Ты, ты и ты, – я подозвал ближайших красноармейцев, – ребята обойдите поле боя, и, как можно быстрее перевяжите раненых, нужно кроваь остановить, дорога каждая минута. Поспешите. Убитых потом соберём. И вот ещё что, – я оглянулся и повысил голос, – пленных не брать! Повторяю, пленных не брать, – слова давались с трудом, пересохшее горло полыхало огнём. Пить хотелось, спасу нет. И из близкого ручья не напьюсь, там теперь не столько воды, сколько грязи и крови.

Я хрипло прокашлялся, облизнул сухим языком потрескавшиеся губы и вдруг с удивлением увидел протянутую руку с фляжкой.

– Попейте, товарищ командир, – сбоку стоял молодой крепкий парень с невероятно синими глазами и веснушчатым носом.

Ничего вкуснее и приятнее той тёплой, отдающей железом и тиной воды я в жизни не пил.

– Спасибо, тебя как зовут?

– Сергей я, Мирошниченко.

– Вот что, Серёжа, возьми бойцов пробегитесь по полю, подсобите Семён Иванычу, он трофеи собирает.

– Командир, – подбежал запыхавшийся Сашка, – пара миномётов восемьдесят один миллиметр, целые. Семь десятков мин в лотках и шесть дохлых немцев. В километре за выступом рощи колонна грузовиков, пара броневиков и несколько мотоциклов. Немцы там суетятся. Вроде грузятся.

– Эх, мать честная, жаль миномётчиков у нас нет. Долбануть гадам вдогонку.

– Чё это сразу «нет». Подумаешь, какое хитрое дело. Я знаю бойцов, которые смогли бы. Да, и сам...

– Давай, Саня, влепи им под хвост по самое не балуйся. По десятку мин на ствол. Только по своим не шарахни.

– Обижаешь, командир, – сверкнула белозубая улыбка на грязном в потёках пота лице, – разрешите выполнять?

– Давай, дуй. Не упусти гадов.

Подвижный, как ртуть, парень перемахнул через бруствер и был таков.

Пока я отмывал кровь с руки и перевязывал трофейным бинтом обе царапины, прошло четверть часа. Застёгивая рукав, я услышал, как один за другим хлопнули миномёты, и из-за

редкой рощицы донесли два взрыва. Через минуту слышалась ещё пара хлопков, и вслед за взрывами за леском поднялся дым. После короткой паузы два десятка мин улетели к своим бывшим хозяевам. Взрывы слились в сплошной грохот, и за березняком повисла тёмная завеса дыма. От неожиданности красноармейцы кто присел, кто прижался к земле, но быстро разобрались, радостно заорали и замахали руками. Мальчишки.

– Внимание, бойцы, – крикнул я, – пятеро со мной, бегом, – и я рванул в сторону миномётной позиции.

Рядом с Сашкой около миномёта и разбросанных пустых лотков из-под мин стояли трое. Они оживлённо жестикулировали и добродушно переругивались.

– Ну, как? – пропыхтел я.

– Пяток выстрелов промазали, благодаря некоторым тут ворошиловским стрелкам, но накрыли их крепко. Ни одна машина не ушла.

– Молодцы! Благодарю за службу. Как фамилии?

– Это..., Сафронов, Сидорчук, Баля, Иванов, – слегка растерялись бойцы. – Служим трудовому народу.

– Все за мной бегом, марш. Смотреть внимательно. Остерегаться недобитков.

За выступом рощицы открылась плавно спускающаяся на полверсты, исчерченная следами колёс и гусениц зелёная луговина, в конце которой поперёк протянулась цепочка деревьев, видимо растущих вдоль грунтовой дороги. Именно там, в завесе дыма и пыли сгрудились машины, многие из которых чадно горели.

Пока бежали трусой, я начал прикидывать ситуацию к носу. До сих пор обрушившиеся на мою голову события не давали ни малейшей возможности уточнить, кто же я такой, где оказался, какой нынче год, месяц и число. Судя по растительности сейчас разгар лета. Местность равнинная, умеренно лесистая, значит не юг, не север и не Прибалтика. Гимнастёрки на бойцах с петлицами, значит, на дворе начало войны. Пока этого достаточно, с остальным разберёмся по ходу. Я старался не сбить дыхание, вглядываясь в приближающуюся разгромленную колонну и слушая, как за моей спиной топочут ноги бойцов.

Между тем в памяти стала всплывать масса информации по состоянию, дислокации, направлению ударов и перемещений армий и дивизий вермахта и РККА в начале Великой Отечественной войны. Поразительно, ведь до сих пор история той войны вовсе не входила в круг моих интересов! Однако вспомнилось буквально всё в мельчайших подробностях, что когда-либо, даже мельком, довелось увидеть, узнать или прочитать. Сотни книг, статей, фотографий, мемуаров, имён, дат, названий операций и номеров соединений побежали перед глазами словно лента. Потрясающее ощущение всезнания настолько ошеломило, что я даже приостановился и потряс головой, словно желая раскидать информацию по углам памяти. Опомившись, я поспешил догнать своих бойцов.

За полсотни метров мы перешли на шаг, подняли оружие и осторожно приблизились к скучившимся на грунтовой дороге машинам. Последним поперёк грунтовки раскорячился броневик с оторванным задним мостом. Рядом с ним в луже бензина горели перевернутый мотоцикл и лёгкий гусеничный вездеход. Из восьми тентованных трёхтонных Опелей-Блитц три были безнадежно искорежены взрывами, один свалился на бок в придорожную канаву. Ещё два чадно горели, потрескивая полыхающими скатами. Зато две передние машины имели вполне сохранный вид. Первая стояла с большим бортовым прицепом на жёсткой сцепке. Среди воронок и огня в разных позах раскинулись десятка два мёртвых немцев, все в летних камуфляжных куртках. Среди них некоторые агонировали. В сторону недалёкого леса по примятой траве тянулись цепочки следов от ног и колёс.

Бойцы осторожно разбрелись вдоль разгромленной колонны. И буквально через минуту раздался громкий голос Сашки:

– Товарищ сержант, глядите, кого я нашёл.

Обойдя разбитый грузовик, я увидел двух бойцов, направивших винтовки на сидящего у колеса гитлеровского офицера. Серая фуражка с чёрной тульей, кокардой и птицей валялась рядом, кровь и копоть испачкали его лицо, висящую только на правой руке пятнистую куртку и расстёгнутый серый мундир. Левый рукав, левый бок и левая штанина потемнели от крови. По гладкому погону с продольным рифлением я понял, что он лейтенант. Чёрные с розовым кантом петлицы означали принадлежность к бронетанковым войскам. Опираясь на землю правой рукой, он морщился от боли и пытался сфокусировать взгляд.

Я ещё с институтских времён кое-как изъяснялся на немецком, а тут вдруг неожиданно для самого себя свободно заговорил на хойдойч:

– Leutnant, sich vorstellen. (Лейтенант, представьтесь).

– Leutnant Paul Lemke. (Лейтенант Пауль Лемке).

– Ihre Division und Teil? Machen Sie nicht den Rückgriff auf Kraft. (Ваша дивизия и полк? Не заставляйте прибегать к насилию).

– 47 Armeekorps, 18 Panzer-Division, 88 Aufklärungs-Bataillon, erste Roth. (47 моторизованный корпус, 18 танковая дивизия, 88 разведывательный батальон, первая рота).

– Aus Gruppe Heinz Guderian? (Из группы Гейнца Гудериана?).

– Ja. (Да).

– Ihr Ziel ist es hier? (Ваша цель здесь?).

– Intelligenz Reiseroute und Vernichtung der Reste bolschewistischen Truppen. (Разведка маршрута и уничтожение остатков большевистских войск).

– Wohin Schlag Ihrer Division? (Куда направлен удар вашей дивизии?).

– Auf Slonim und weiter auf Baranovichi und Minsk. (На Слоним и дальше на Барановичи и Минск).

– Wenn hier wird Ihr Division? (Когда здесь будет ваша дивизия?).

– Nach 6 oder 7 Stunden. Nach Wartung, tanken, Mittagessen und Anweisungen. (Часов через 6 или 7. После обслуживания техники, заправки топливом, обеда и инструкций).

– Wo ist jetzt 24 Armeekorps? (Где сейчас 24 корпус?).

– In Iwatsevitshci, am Abend wird auf Baranovichi. (В Ивацевичах, к вечеру двинет на Барановичи).

Под впечатлением от своих новых способностей я задумался, машинально расстегнул карман гимнастёрки, достал и раскрыл солдатскую книжку. Батов Василий Захарович 1915 года рождения. Образование 8 классов. Гражданская специальность тракторист. Призывался из Калининской области. Сержант. 17 механизированный корпус РККА. 27 танковая дивизия. 27 мотострелковый полк.

Вот теперь информация сопоставилась, и всё встало на свои места. Я оказался в окрестностях городка Слоним, который растянулся вдоль излучины речки Щара, текущей с севера на юг. К западу находился так называемый Белостокский выступ, в котором сейчас фашисты рассекают, окружают и бьют разрозненные корпуса и дивизии 3, 4 и 10 советских армий. К востоку от Щары расположились недоукомплектованные дивизии 47 стрелкового и 17 механизированного корпусов. Сюда же должны отойти остатки разбитого под Брестом 14 мехкорпуса. И над всем этим скопищем, как чудовищные стальные клещи сжимаются две германские танковые группы: Гудериана с юга и Гота с севера. Гудериан, как одержимый, прёт от Бреста и в известной мне истории 24 июня его передовые батальоны уже вышли к Слониму и столкнулись с частями нашей дивизии. Тогда немцев задержали на сутки. Значит, сегодня 24 июня. А коли так, то наврал лейтенант Лемке. Танки фон Швеппенбурга двинут из Ивацевичей на Барановичи только завтра.

Та-ак. До катастрофы остались считанные дни и даже часы, и, похоже, надежды на благополучный исход почти нет. Необходимо немедленно принимать решительные меры. Но как их тут принимать? Что я, простой пехотный сержант, могу сделать в этой жуткой неразберихе,

когда обос... растерявшиеся генералы ничего сделать не могут, а в штабах сейчас творится чёрт знает что. Да, какие там, нахрен, генералы, если и Генеральный штаб, и Правительство, и сам Сталин потрясены начавшимся хаосом.

Почти все западные корпуса и соединения формировали наспех по мобилизации накануне войны, наскребали личный состав с миру по нитке из разных областей. Кадровых командиров в них почти нет, оружия кот наплакал, а основная техника застряла где-то под Минском и Смоленском. В 17 мехкорпусе более-менее боеспособна только наша 27 танковая дивизия, поскольку её сформировали на основе штатного танкового полка. Но даже в ней танков чуть. Артиллерия и зенитки имеются, да снарядов к ним нет. Во всём корпусе на 30 тысяч душ приходится 10 тысяч винтовок почти без патронов. Зато немец вооружён до зубов. Как хочешь, так и воюй, можно плевать в него, можно матом ругаться, или дубины в лесу вырубить.

Я поднял глаза. Сашка и бойцы уставились на меня с открытыми ртами и ошалевшим видом.

– То-ва-рищ сержант, так вы и немецкий знаете. Чисто как немец болтаете. И откуда, коль не секрет, умение, – с подозрением проговорил Сашка и прищурился.

– Вот видите, бойцы, что значит образование. Память хорошая, да учился прилежно. А вы, небось, меня в уже немецкие шпионы записали. А?

– Да, что вы такое говорите... Однако вон оно как...

– Так, бойцы, лейтенант много полезного наболтал, и теперь больше не нужен, – я сделал рубящий жест, – понятно?

– Как же так. Ведь живой человек.

– Зато вон там, – я раздражённо указал за спину, – на поле наши товарищи мёртвые лежат, наши командиры тоже мёртвые, бабы, дети и старики местные все скоро мёртвыми будут, расстрелянными, сожжёнными заживо, заморёнными голодом и повешенными. Этих гадов сюда никто не звал. Ефрейтор Сафронов, – Сашка вытянулся, – исполнять!

– Товарищ сержант, – я обернулся, – красноармеец Ситников, разрешите обратиться.

– Что тебе?

– Пойдёмте, поглядите сами.

Возле первой машины с прицепом стояли нагруженные трофейным оружием бойцы и что-то негромко обсуждали.

– Вот смотрите, товарищ сержант, чисто чудо-юдо.

Я глянул в прицеп и меня от радости аж мурашки по спине пробежали.

– Нет, братцы, вовсе это не чудо-юдо, а наше спасение. Эта хреновина – тяжёлое противотанковое ружьё Маузера, калибр 28 на 20 миллиметров. Прицельно бьёт на версту. Снаряды особые, и скорость у них жуткая почти полторы версты в секунду, потому и броню прошивает, как бумагу. Да мы этим ружьём все их лёгкие танки и броневики перебьём. А снаряды? Какие-нибудь ящики поблизости видели?

– Вот эти, наверное, – Баля откинул брезент со штабеля ящиков у передней стенки.

Я забрался в прицеп. Ага! Они самые, голубчики, подкалиберные с карбид-вольфрамовыми сердечниками. Десять лотков по двенадцать выстрелов в каждом. Вот этакое богатство нежданчиком привалило! Так, а что ещё тут гансы заховали? Четыре ящика с винтовочными маузеровскими патронами и один с парабеллумскими. А здесь гранаты-толкушки. Да, этого добра мне на хороший бой хватит. Уф-ф, ну, теперь живём!

– Так, бойцы, в этом прицепе наша победа и наша жизнь, беречь его, как зеницу ока. Баля и Иванов лично головой отвечаете. Всё, заканчиваем мародёрку. Кто машину водить умеет? Двое. Кто из вас с этим агрегатом справится? Фамилия, имя?

– Красноармеец Миронович Николай.

– Вот, Коля, получай аппарат, – я указал ему на вторую машину, – залезай, смотри, знакомься. Через пять минут трогаемся. Задача понятна?

– Понятна.

Подошёл бледный Сашка.

– Товарищ сержант, вот возьмите, – хмурый Сашка протянул мне офицерский планшет, бинокль, часы, удостоверение и сердито засопел.

– Саня, ты кончай дуться. Война идёт. Жестокая мясорубка. Часа не прошло, как ты в рукопашной гансам лопаткой головы рубил, а тут раскис.

– То в драке оружного завалить, а то пленного раненого заколоть.

– И что с того? Он пришёл за нашими жизнями, значит должен был готов отдать свою. Всё, разговор окончен. По-быстрому грузим трофеи. Через пять минут уходим. Ступай, поторопи бойцов.

Пока Сашка шумно подгонял красноармейцев, я залез в кабину Опеля и раскрыл планшет. В нём помимо блокнота, карандашей, перочинного ножичка и всякой мелочи лежала склеенная из четырёх листов карта-двухвёрстка района Слонима, Ивацевичей и Барановичей. Я поводил пальцем по карте, проверяя отметки и направления. Всё соответствовало моим послезнаниям, и это был поистине шикарный бонус. И хотя в целом ситуёвина складывается страшенькая, но в частностях мне пока неслыханно везёт, наверно, кто-то на меня ворожит.

Встав на подножку, я убедился, что все бойцы забрались в кузов, завёл мотор и хотел трогаться, как распахнулась дверка напротив, и в кабину залез Сашка:

– Одному впереди ехать не годится.

Поглядывая по сторонам и в боковое зеркало, я свернул с грунтовки на луговину и медленно повёл машину к нашим позициям, поглядывая на дырку в лобовом стекле в паутинке седых трещин.

Подъезжая, я обратил внимание, что Семён Иванович, придерживая раненую руку, подвешенную на грязной замусоленной тряпке, уже навёл кое-какой порядок, и теперь солдаты нехотя перетаскивали трупы немцев. Приближающиеся со стороны фрицев наши машины сначала вызвали некоторое беспокойство, но, увидев выбравшегося на подножку Сашку, народ оживился и потянулся поглядеть на трофеи.

Подогнав машину к траншее, я заглушил мотор, выбрался на подножку и заорал, насколько позволяла пересохлая глотка:

– Отставить ворочать немцев, воронам и крысам тоже жрать что-то надо. Всех касается. В первую очередь помочь раненым товарищам, похоронить в траншее наших убитых, записать их данные, затем собрать имущество, трофейное оружие и боеприпасы, загрузить в прицеп и приготовиться сниматься с позиции. Мы тут крепко немцев обидели, а, значит, сюда обязательно и очень скоро пожалуют бомберы, а потом танки. Через полчаса уходим. Сашка, возьми своих троих, и погрузите в прицеп миномёты. Чего тебе, Семён Иванович?

– Товарищ сержант, Вась, глянь-ка туда, – и он указал на небольшую лощинку, где за редкими кустиками виднелись явно невоенные личности. – Беженцы минут десять назад из рощицы вышли. Что делать-то будем?

Я резко свистнул, и махнул рукой, подзывая Мироновича, который возился у своего Опеля.

– Коля, подь сюда. Слушай меня внимательно. Сейчас к тебе в машину погрузят раненых и беженцев. Погрузят плотно, потому побереги рессоры и сцепление. Выбирайся на шоссе, – я махнул рукой направо, – примерно через пятнадцать километров будет городок Слоним. В центре найдёшь здание горсовета, там, скорее всего, какой-нибудь штаб. Сдашь раненых и беженцев и немедленно назад. Держи предписание, – я открыл планшет, вырвал из блокнота лист и от руки написал записку. Фуфло, конечно, голимое, но за неимением иных документов сойдёт. – Нас найдёшь на этом же шоссе на окраине лесничества, отсюда на четыре версты ближе к городу. Увидишь длинный пруд – мы рядом. Давай, не задерживайся. Семён Иванович, возьми бойцов и займитесь погрузкой раненых.

Все разошлись, а я направился к беженцам. В лощинке друг к другу жались оборванные, грязные измученные люди, трое взрослых и двое мальчишек разного возраста. На попытку пожилого мужчины что-то сказать, я поднял руку и начал говорить сам:

– Товарищи, скоро здесь начнётся бомбёжка, эту позицию мы оставляем. Не бойтесь, вас мы не бросим. Сейчас быстро и организованно садитесь вон в ту машину, через четверть часа она уедет в Слоним. Всё. Разговаривать некогда. Поспешите.

Люди, молча, и понуро потащились к машине. Я глянул им вслед, и мне показалось, что в старшем мальчишке я разглядел что-то знакомое. Пододвинув пару пустых ящиков из-под патронов, я разложил карту, поднял глаза на толпящихся у машины людей, и мне померещилась вертящаяся в ногах рыжая собака. Я тряхнул головой. Тьфу, ты. Привидится же такое. Откуда здесь Фильке взяться.

Между тем в памяти опять всплыли сотни фактов и воспоминаний, отчётливо сложившихся в детальную картину оперативной обстановки на начало войны в Белостокском выступе и дальше в окрестностях Минска. Не теряя времени, я вытащил из планшетного кармашка красно-синий карандаш, уверенно и быстро нанёс синим цветом все направления ударов немецких корпусов и дивизий группы армий «Центр». Отметил действия противостоящей нам третьей танковой группы Гудериана и наступающей севернее группы Гота. Красным обозначил дислокацию, состояние и действия наших соединений, а также направления их отступления. Затем отметил точные силы, даты и время ударов противника. На обратной стороне карты я химическим карандашом наспех набросал приблизительный план организации комплексной обороны на рубеже реки Щара. Сложив карту, я убрал её в планшет. Всё время вышло, пора делать отсюда ноги, срочно убираться пока есть такая возможность.

– Внимание, рота! Приступить к погрузке!

Не прошло и трёх часов, как я появился в этом времени, а уже произошла куча событий, и вот, сидя за рулём перегруженного, скрипящего подвеской, натужно подвывающего Опеля, я увозил от неизбежной гибели тридцать шесть бойцов, а также наше и трофейное оружие.

Новые позиции роты фронтом на юг я наметил около шоссе. Если стоять лицом к противнику, слева перпендикулярно дороге на полверсты тянулась высотка, перед которой хлюпала заболоченная заросшая осокой лощина. С другой стороны начинался плавный подъём, переходящий в засеянное какими-то злаками поле. Сзади высотку ограничивал мелкий сухой овражек, за которым стеной поднимался старый лес. Шоссе ныряло в эту пущу и тянулось через неё вплоть до города Слоним. Справа с другой стороны дороги та же запруженная лощина продолжалась в виде пруда с заросшими высокой травой берегами и подёрнутой ряской водой, к которой вплотную подступал лесной молодняк. За прудом виднелась протяжённая пустошь.

Вот тут я и собирался встретить 18 танковую дивизию Вальтера Неринга. Смешно, да? Остаток пехотной роты во главе с сержантом собирался схлестнуться с танковой дивизией! Я будто слышал ехидное хихиканье всезнающих скептиков: «дивизию он, видите ли, встретить собрался с лёгкой стрелковкой, парой миномётов, да противотанковым Маузером». К тому же, на нашу беду, петеэррики в последнем бою попали под пулемётную очередь, погибли и ружьё не уберегли. С другой стороны, наши трофеи оказались на диво богатыми, видать разгромленная нами немецкая разведрота обеспечивалась оружием по высшему разряду. От немцев нам перепали восемь пулемётов MG-34 со сменными стволами и патронными коробами, двадцать три автомата MP-38 с кучей магазинов, полсотни винтовок с боеприпасами и около сотни гранат-колотушек. С учётом наших беспатронных винтовок и двух пулемётов ДП трофеи станут серьёзным подспорьем, но всё равно против полутора сотен танков, пяти-семи тысяч пехотинцев и трёх дюжин гаубиц, это капля в море.

Я смотрел на измученных, раненых и голодных бойцов, которым опять предстояло столкнуться с бронированным чудовищем, и пытался понять, почему они идут на смерть, ясно понимая её неизбежность? Идут, не просто страшась смерти, а охваченные ужасом от понимания

надвигающейся на них мощи. И всё же идут! Они стискивали зубы и готовились к бою, потому что так надо. Так, наверно, умирали и наши предки на Куликовом поле и на Бородинском. Вот и теперь тридцать шесть человеческих судеб сошлись на этом шоссе, откуда вели только два пути: в рай, или в ад.

В целом для нас складывалась архиненадёжная ситуация, вернее сказать, безнадёжная, короче, ху... хуже худшей. Куда ни кинь – везде клин. От предчувствия близкой опасности и от жуткого несоответствия цели и наших возможностей по спине пробежали мурашки озноба, невольно сжались кулаки, и я заскрежетал зубами от ярости, бессилия и перспективы не за понюшку табаку жестоко подохнуть.

И на первый, и на второй, и на все последующие взгляды задача была абсолютно неразрешимой, более того – безумной и абсурдной, на запах которой скоро налетят навозные мухи. Подленькая микроскопическая мыслишка удрать и засунуть голову в песок была сразу придушена в зародыше, поскольку я чувствовал, что, так или иначе, рано, или поздно решение придёт.

Успокоившись и собравшись с духом, я прикинул все за и против и решил, что ничтожный шанс у нас всё-таки имелся. Здешние леса и низины в основном заболочены и для техники почти непроходимы, значит немцы будут двигаться колоннами по водоразделам и шоссе́йным дорогам. Вот на этой дороге мы их и встретим, как когда-то 300 спартанцев Леонида встали против сотни тысяч персов в Фермопилах. А там посмотрим, кто, кого. К тому же я был далёк от мысли остановить немецкое соединение, нам требовалось лишь на сутки задержать гансов в этой уости.

Продолжая прикидывать обстановку и сопоставлять обстоятельства, я понял, что на самом деле, наша позиция во всех смыслах была весьма выгодной. Проходящая между ложиной и прудом дорога, по сути образовывала «бутылочное горлышко», миновать которое невозможно. С нашей высоты и с другой стороны шоссе открывался отличный обзор, дорога простреливалась на километр, к тому же мы имели возможность укрыться от обстрела за склоном, а при необходимости отступить в лесную пушу. В принципе могла получиться неплохая ловушка для обнаглевших беспечных захватчиков.

Конечно, немцы необыкновенно сильны и достаточно оснащены, но, вместе с тем, они уже два дня пробиваются от границы с непрерывными боями, поэтому наверняка имеют и боевые, и технические потери. Так что при самом лучшем раскладе на этом направлении Неринг вместо двух сотен располагает максимум сотней боеспособных танков, и вряд ли он отправит их всем скопом и единственной колонной. Но и того, что на нас пойдёт, нам будет за глаза, и в любом случае драться придётся не понарошку.

Занимаясь подобной арифметикой, пытаюсь сложить неслагаемое и вычестить невычитаемое, я так и этак перебирал цифры и продолжал размышлять. Расклад паршивый, но играть придётся с тем, что имеем. Итак. Что бы я сделал на месте гансов, столкнувшихся с подобным заслоном? Естественно, после разведки и перед атакой штурмовой группы обработал бы противника артиллерией или хорошенько проутюжил бомбардировщиками. Однако день уже повернул к вечеру и, чтобы подтянуть, разместить и установить на позиции дивизионный артиллерийский полк немцам не хватит времени, и потому, скорее всего они пошлют бомберов. А, если и после этого заслон всё ещё будет огрызаться, то задействуют полковые гаубицы. Но в сумерках и потёмках о прицельной стрельбе не может идти речи, поэтому артиллерия ударит приблизительно, по площадям. А посему на обратном склоне надо рыть глубокие щели для укрытия, а в полусотне метров впереди соорудить заметные ложные окопы. В завершение каждый боец должен устроить одну-две запасные позиции и всё тщательно замаскировать.

Сам я вооружился трофейным противотанковым ружьём и приглядел место в седловине в двух сотнях метров от входа в «бутылочное горлышко». Бумажная броня немецких «троек» и «двоек» этой фактически недопушке на один укус. С «четвёрками» намного хуже, но на месте

Неринга я бы попридержал их в резерве для серьёзных боёв. Но, если он мыслит иначе, нам небо с овчинку покажется. Остаётся надеяться, что они, как обычно, по-походному поставят сзади на танковые корпуса канистры с бензином, вот их мы и подпалим. Эх, сюда бы ещё что-нибудь противотанковое с той стороны шоссе, чтобы вражью броню в два огня грохнуть.

Поскольку невеликий наш и трофейный харч бойцы подъели на ходу, вместо законного перерыва рота сразу начала зарываться в землю. И подгонять никого не требовалось. Вкалывали отчаянно. Ленивые, неумелые и беспечные остались лежать на месте прошлого боя. Стянув грязные и заскорузлые от солёного пота и засохшей крови драные гимнастёрки и землистого цвета нижние рубахи, мы с Балей, которого звали Алексей и с Ивановым с редким именем Иван выкопали круглый окоп с бруствером и нишей для снарядов для противотанкового Маузера. Затем в тылу, ниже по склону соорудили углубление для снарядных ящиков и глубокий окопчик на троих. Рыхлая супесь легко копалась, и примерно через два часа мы отложили лопатки и принялись за маскировку.

Справа и слева упорно трудились бойцы. Тёмные от июньского солнца руки и лица на фоне бледных тел демонстрировали типичный солдатский загар. Сзади в низинке пыхтел Сашка вместе с тремя воинами, устраивая миномётную позицию и укрытия для боеприпасов и расчётов.

Июньское солнце ощутимо припекало плечи. Свесив гудящие от усталости руки, мы втроем уселись на выложенный дёрном бруствер, подставив разгорячённые лица и тела лёгкому ветерку, любуясь видом летней земли и втягивая всей грудью чистый, горячий от солнца и наполненный сладким цветочным дурманом воздух. Впереди за ложиной волновалось наливающееся золотым колосом поле, а вид ярко-голубого неба расслаблял невпопад, невольно настраивая на благодушный лад, словно и не бедовала война всего в десятке вёрст отсюда. Где-то сзади взялась куковать кукушка. Пару раз шумнула и наглухо замолкла подлая птица. Не иначе беду накликает, чтоб её черти утащили.

Всё-таки не даром говорят помяни нечистого, и он тут, как тут. В глубине прозрачного и пронзительно лазоревого неба появились едва заметные точки, которые чуть погодя превратились в тройку юнкерсов. «Лаптёжники» с плоского виража зашли на боевой курс и по очереди, сваливаясь на крыло, с истошным воем начали пикировать на наши старые окопы. Четыре километра не так далеко, и нам с высоты были хорошо видны взрывы, столбы пыли и дыма в той стороне.

– Ну, вот, нас больше и нет. Все в распыл пошли, – сказал я с горечью, глядя, как бойцы роты вылезли на бруствер и угрюмо смотрели на недалёкую бомбёжку.

Налёт закончился, юнкерсы улетели, а я продолжал вглядываться в ту сторону, поскольку заметил на шоссе показавшиеся из-за поворота приближающиеся фигурки людей, группами и поодиночке убегающих от войны.

– Да, пришлось людям горя хлебнуть, – вздохнул Алексей, – и куда теперь им...

– Товарищ сержант, гляньте-ка, – Иван протянул руку в сторону шоссе, – там, похоже, и военные.

Действительно, вдали из-за поворота за толпой мирных жителей показалась нестройная группа военных и четыре лошади, которые что-то тащили на передках. Когда они приблизились, стало видно, что тащат они две пушки-сорокапятки. Я резко свистнул и махнул Сашке, который, закончив устанавливать миномёты, неподалёку оборудовал пулемётное гнездо.

– Саня, дуй к дороге и пригласи-ка этих военных поговорить.

Сашка мотнул головой и, натягивая на ходу гимнастёрку, побежал к шоссе. Я сполоснул из фляги руки и лицо и оделся по форме. Пока я объяснял бойцам, как и где нужно отрыть мелкий ложный окоп, вернулся Сашка со старшиной артиллеристом. Представились, поздоровались.

Передо мной стоял широкогрудый большерукий мужик с упрямым выражением скуластого продублённого ветром и солнцем лица. Форма старшины Пилипенко Кузьмы Петровича тоже оставляла желать лучшего, но по сравнению с нами он выглядел щёголем. Наш растерзанный и окровавленный вид видимо внушил уважение. Старшина понимающе оглядел наши заляпанные и подранные в бою гимнастёрки, кивнул, протянул свою мозолистую ладонь и степенно рассказал о судьбе своего противотанкового дивизиона, который источился в боях под Брестом, где вместе с гаубичным полком и танкистами почти сутки сдерживал натиск танкового корпуса.

– Танкисты оттуда отступили на Бытень, пехота с боями отошла за речку Щару в сторону Барановичей, а остаткам нашего дивизиона приказали двинуть на Ружаны и перекрыть немецким танкам путь на Слоним. Вместе с танковым батальоном мы окопались у дороги и вдарили в бок танковой колонне. Хорошо вдарили. Немцы встали. Но и все наши БТшки тоже там. Сгорели. Комдив наш капитан Сыриков и все командиры погибли. Сейчас от всего дивизиона остались две сорокапятки и пятнадцать человек. На конной тяге отмахали двадцать пять вёрст. За нами грохотало и, похоже, какие-то части тоже сюда отходят.

– Товарищ старшина, дальше отступать не советую. В Слониме полно нервного начальства, которое ищет виноватых. Вас запросто сочтут за дезертиров и шлёпнут. Сейчас это обычное дело. Мы тут противотанковый рубеж строим. Но что он стоит без ПТО, – и я объяснил ему мою задумку.

Он был неглуп и всё понял правильно, поскрёб заросший подбородок, хмуро оглядел окрестности, покумекал и согласился. В душе я ликовав, теперь танковая ловушка должна работать на все сто. Мы со старшиной перебрались на ту сторону шоссе, присмотрели сектора и остались довольны. Небольшой подъём на краю леса позволял выставить пушки на кинжальный огонь по шоссе почти в упор. Согласившись с моим предложением менять позиции через каждые два выстрела, старшина Пилипенко принялся за дело.

Я вернулся на высоту. Лицо приятно охлаждал ветерок, принёсший с поля пряный запах донника и болотных цветов из лощины. А с юга уже рокотали отчётливые звуки боя. Прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, я разглядел вдали на шоссе ещё одну нестройную группу военных в шесть-семь десятков человек, показавшихся из-за поворота. Я невольно хмыкнул, глядишь, к концу дня здесь целый полк соберётся.

«Приёмная комиссия» в составе меня, Сашки и Семёна Ивановича на этот раз встретила сборную солянку из пехотинцев, зенитчиков, сапёров, связистов из 205 дивизии. Среди них оказались и два командира в немалых званиях и чинах: тяжелораненый начальник штаба дивизии полковник Попов и батальонный комиссар со странной должностью: зам начальника отдела пропаганды дивизии – Курбацкий Дмитрий Васильевич. Полковник лежал на носилках и тихо бредил, комиссар с перевязанной головой и кистью левой руки угрюмо посматривал на нашу оборванную «комиссию». Я представился:

– Сержант Батов, временно командую сводной ротой на этом рубеже обороны.

– Где ваши командиры, сержант?

– Убиты, товарищ батальонный комиссар, – выдержал я тяжёлый взгляд.

– Что у вас тут за рубеж, кто приказал? – он скривился и сжал виски правой рукой.

– По приказу командира 27 танковой дивизии силами роты организован заслон на Слонимском шоссе. Три часа назад приняли бой с разведротой противника. Все командиры убиты. Боеприпасов почти не осталось, добивали немцев штыками. От нашей роты осталось тридцать шесть человек. Я по званию старший, принял командование. Открытые позиции без флангов таким составом удержать было невозможно. А поскольку приказа об отступлении не было, я принял решение переместиться сюда и устроить тут новый оборонительный рубеж.

– Хм. И чем же вы без оружия и боеприпасов собираетесь танки останавливать? – пристально взгляделся в меня комиссар.

– Во-первых, мы захватили у немцев два миномёта, тяжёлое противотанковое ружьё, пулемёты и стрелковое оружие. Во-вторых, на той стороне шоссе окапываются два 45-миллиметровых орудия из ПТО вашей дивизии. Запрём немцев в «бутылочном горлышке» и выбьем в два огня. Полагаю, на сутки задержим.

– Добро, сержант, убедил. Если что, можешь ссылаться на меня. У тебя транспорт есть?

– Есть грузовой Опель, но с пустыми баками.

– Жаль. Боюсь, полковника до Слонима не донесём.

– Разрешите обратиться, товарищ батальонный комиссар. Красноармеец Смирнов, – вставил свои пять копеек Семён Иваныч.

– Что у вас?

– Здесь неподалёку, километрах в полутора в лесничестве находится склад длительного хранения, стратегический что ли. Я думаю здесь скоро бои начнутся, а там может что нужное есть, может быть и топливо. Не дай бог немцам достанется.

– Вы что, верующий?

– В окопах все верующие, товарищ батальонный комиссар.

– Ладно, речь не о том. Можете провести на склад?

– Конечно. Сам там давеча в карауле стоял.

Я с удивлением пялился на Семёна Иваныча и недовольно крутил головой, вот же старый пердун, не мог раньше сказать. Тут под боком такое богатство, а мы каждый патрон считаем. Семён Иваныч, глядя на меня, развёл руками, мол, что толку, склад то стратегический, нам не по зубам. Пока разговаривали, вокруг нас на шоссе собралась приличная толпа отступающих красноармейцев. Я не мог упустить такой возможности.

– Товарищ батальонный комиссар, разрешите разместить пришедших бойцов на рубеже обороны.

– Действуй, сержант.

Почти безоружные вновь пришедшие бойцы получили у Сашки трофейные карабины и автоматы и принялись окапываться, зенитчики ушли к Пилипенко, а мы с Семёном Иванычем, комиссаром и шестью красноармейцами отправились искать злополучный склад.

Пройдя по шоссе с версту, мы свернули на наезженную просеку и углубились в лес. Примерно метров через сто нам преградил путь полосатый шлагбаум без часового, откинув перекладину, прошли дальше и вскоре упёрлись в ворота из колючей проволоки, за которыми на площадке размером в несколько гектаров квадратом стояли четыре длинных приземистых сооружения.

– Стой, кто идёт?

– Батальонный комиссар Курбацкий с охраной.

– Назад. Стрелять буду, – из-за укрытия вышел часовой с нацеленной на нас винтовкой.

– Боец, ты знаешь, что началась война и нужны боеприпасы.

– Не-ет. Не положено. Зовите начкара.

– Никого не будет. Немцы в десяти километрах отсюда. Всё настолько серьёзно, что я имею право тебя застрелить. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ батальонный комиссар. Но какую-то бумагу всё равно нужно... – караульный задумался, смущённо поскрёб щёку и скривил лицо, – а я-то в толк не возьму, почему уже два дня смены нет.

За колючей проволокой нас ждал настоящий подарок судьбы. Уж не говорю о содержимом складов, а во внутреннем дворе находились по нынешним временам сокровища Алибабы: две новые полуторки, ряды бочек с бензином, соляркой и машинным маслом. Накрытые брезентом орудия: четыре пушки Ф-22 калибра 76 мм. Четыре буксируемые зенитки-автомата 37 мм на двухосных шасси. Рядом с ними в несколько рядов громоздились сотни ящиков со снарядами. От волшебного изобилия меня чуть не задушила жадная жаба.

Пока бойцы бегали из угла в угол, вскрывали склады, выясняя и разведывая, я занимался машинами. Семён Иванович помог залить бензин и воду, долить масло, и завести эти таратайки с ручки. Потом бойцы начали загружать в кузов ящики с зенитными снарядами, поскольку решили, что зенитки сейчас важнее. Загрузили бочку бензина, ящики с винтовочными патронами и гранатами. У меня буквально разбежались глаза, но, рассудив здраво, остатки места в кузовах машин я решил заполнить мешками с сухарями и ящиками с консервами, ведь голодные бойцы много не навоюют. Наконец сверх всякой нормы закинули несколько стопок новых касок, поскольку половина бойцов их не имела.

Как выяснилось позже, каски негодились, не любили бойцы их носить, и добрая половина касок потом была использована вместо ночных горшков и выброшена за бруствер, да, не порожняком, а полными содержимого. Самое потешное, что нередко незадачливые засранцы после близкого взрыва получали эти ёмкости со всем наполнением назад.

Остающиеся на складе красноармейцы прицепили к полуторкам две зенитки, комиссар и Семён Иванович забрались в кабины, и машины медленно тронулись с места. Страшно боясь за рессоры, я минут за пятнадцать дотащился до позиций.

Вид набитых разным добром машин привёл бойцов в восторг, а зенитчики разве что не обнимались с зенитками. Вскоре одна из полуторок увезла в Слоним полковника, комиссара и двух бойцов. А Опель и оставшаяся полуторка опять отправились на склад. В этот раз мы привезли два крупнокалиберных пулемёта ДШК с боеприпасами, сотню противотанковых мин-сковородок, бронебойные и фугасные снаряды к сорокапяткам и зениткам, новую форменную одежду, бельё и сапоги. Особенно порадовали сапоги, поскольку уже сил не было смотреть на рваные башмаки бойцов, лохматые пропитанные грязью и кровью после прошлого боя обмотки.

Сашка с опытными стрелками сразу принялся приводить в порядок крупнокалиберные пулемёты. Две пары заряжающих начали набивать и соединять короткие ленты и укладывать их в патронные коробки. Сапёры из последнего пополнения отъехали на полуторке на версту ниже по шоссе и принялись минировать съезды вправо и влево вплоть до «бутылочного горлышка». Я решил, что это хоть немного задержит танки при спуске и помешает им развернуться на открытом поле. С той же машиной отправился дозорный пост, чтобы не прошляпить немецкую разведку.

По местным меркам теперь мы были вооружены до зубов, и в голове проскользнула шальная мыслишка: как знать, может всё и обойдётся. Худо-бедно с неожиданным пополнением и шикарным вооружением можно было бы упереться рогами и попробовать выжить. Но упираться не упираться, а война тварь злая и непредсказуемая и всегда всё вывернет по-своему.

Я всё чаще с тревогой поглядывал на трофейные часы. По моим прикидкам до появления немцев оставалось два, максимум три часа, а рубеж ещё требовал немалой доработки. Оба ДШК на треногах поставили слева, чтобы пугнуть пикировщики, продырявить броневики или пресечь обход пехоты. Когда я начал говорить Сашке про заградительный зенитный огонь, он хмыкнул и махнул рукой, мол, учёного учить, только портить. Обе зенитки поставили на обочинах шоссе чуть в глубине обороны с разносом в полста метров, заодно укрепив центр. Кроме того, что они уверенно доставали бомбардировщики на трёх-четырёх километрах, на прямой наводке могли расстрелять и танки в видимом секторе.

Слегка «повёрнутый» на маскировке, я обошёл все окопы, заставил бойцов тщательно скрыть дёрном, ветками и травой все следы земельных работ, вымазать блестящие каски жидкой глиной и обвалить в мелкой зелёной трухе, а заодно показал бойцам, как ставить растяжки из «лимонок». Вернувшись на шоссе, я едва перевёл дух, как неожиданно свалилась новая беда.

Когда со стороны города появился Опель Мироновича, я облегчённо вздохнул и забыл выдохнуть, поскольку разглядел в кузове двух бойцов в васильковых фуражках с красными

околышами. Визит гебешников накануне боя не предвещал ничего хорошего, поскольку обычно эта братия предпочитала держаться подальше от передка. Но ещё большее недоумение вызвала едущая впереди чёрная командирская эмка. Я вышел на шоссе согнал назад складки на новой гимнастёрке, поправил пилотку и стал ждать развития событий.

Первым из эмки выбрался коренастый военный с генеральскими петлицами и нарукавными нашивками. Из-под козырька фуражки недобрым прищуром блеснули холодные серые глаза начальника. Над волевым подбородком слегка кривился крупный рот с узкими губами. Услужливая память подсказала, что пожаловал командир 17 мехкорпуса Петров Михаил Петрович.

Но гораздо опаснее комкора выглядел другой персонаж. Следом за генералом из кабины нашего Опеля выбрался старший лейтенант ГБ и в стойке легавой собаки встал за спиной Петрова. За ним нетерпеливо топтались его подручные.

– Кто. Здесь. Командует? – отдельно спросил генерал, от голоса которого можно было замёрзнуть.

– Сержант Батов, – я вскинул руку к пилотке в приветствии, – временно исполняю обязанности командира третьей роты первого батальона 27 мотострелкового полка 27 танковой дивизии.

– Где командиры? – процедил сквозь сжатые зубы комкор. Он стоял, расставив ноги, заложив руки за спину, и, скользя по мне ледяным взглядом с ног до головы и обратно и распространяя слабый коньячный выхлоп.

– Убиты утром при отражении атаки противника.

– Что-то я не вижу, что вы тут что-то отражали, – он окинул окрестности надменным взглядом и грозно сдвинул брови.

– Бой шёл четырьмя километрами ниже по шоссе. Уничтожены лёгкий танк, четыре бронетранспортёра, семь автомобилей и восемьдесят девять солдат противника. Захвачены два миномёта, два автомобиля, противотанковое ружьё и стрелковое оружие. В строю роты осталось тридцать шесть бойцов.

– Что ж ты, герой, трофеями прибарахлился, а склад глубокой консервации разграбил? – прогремел грубый резкий голос.

– Товарищ генерал, – вкрадчиво проговорил особист, высунув из-за спины Петрова противную самодовольную морду и кивая на замерших бойцов, – гляньте, все в новом, в награбленном, и даже сапоги прихватили. Спрашивается, зачем им новые сапоги, всё одно по законам военного времени всем пуля обеспечена.

– Зачем же ты, бл...дь, склад разграбил, – продолжал яриться генерал, отмахнувшись от гебешника, – отвечай, мерзавец!

– И правильно сделал. И вам тоже советую немедленно вскрыть все прифронтовые склады.

– Что ты сказал, сукин сын? – от удивления его лицо побагровело, а глаза округлились.

В стороне за спинами бойцов перепуганный Сашка корчил рожи и делал отрицательные жесты, пытаясь что-то мне показать. Наверно, предупредить хотел.

– Что бы я сейчас ни сказал, вы меня всё равно не слышите. А ситуация такова, что с минуты на минуту здесь появятся танки противника.

– Арестовать его!

– Не стоит этого делать. Иначе немецкие танки прорвутся в Слоним.

– Т-ты! Как смеешь! Старлей, ты слышал! – заорал генерал, брызгая слюной.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, – я по привычке встал в свободную стойку, – не советую распускать руки.

– Ах, ты..., – старлей первым кинулся на меня. Зря он это сделал. Нарботанные годами навыки айкидо не подвели, и особист, потеряв в полёте фуражку, раскорячившись, улетел за

обочину в кювет. Оба опричника, расталкивая друг друга и забыв про винтовки, бросились скручивать меня в бараний рог, и один за другим разлетелись по сторонам, пропахав по шершавому асфальту. Ошалеv от неожиданности, они вскакивали, бросались и снова больно падали. Вскоре перепачканные в придорожной пыли и грязи, с ободранными об асфальт физиономиями эти бойцы невидимого и подлого фронта напрочь потеряли свой лощёный вид и, взяв меня в полукольцо, больше не рисковали нападать, но и стрелять побаивались, чтобы не попасть в генерала. А я специально крутился возле комкора, слегка потешаясь над его растерянным видом.

– Всем стоять!! Смирно!! – опомнился генерал, в его глазах бушевал ураган. От командного рёва всех окружающих буквально подбросило. – Ты, что себе позволяешь, сержант! Совсем зарвался! Расстреляю на месте!! – Его серые глаза потемнели, свирепый вид был страшен.

Слова нашлись сами собой:

– Не выйдет, товарищ генерал-майор. Мы уже давно мертвы. Когда нам без боеприпасов приказали перекрыть важное танкоопасное направление. Когда мы штыками и голыми руками дрались в поле с до зубов вооружёнными немцами. Когда наши окопы проутюжили юнкерсы. Когда голодные и измученные мы сами добровольно организовали новый противотанковый рубеж. Мы уже давно поделились на живых и мёртвых, а потому смерть стала частью нашей жизни, и мы не можем умереть ещё раз. Сегодня лишь третий день войны, а от половины наших батальонов, полков и дивизий остались лишь номера. Нынче пришёл и наш черёд. И, если нам не будут мешать, задержим немцев на этом шоссе. На сутки задержим, прежде, чем сгинуть.

– Ты... зачем так... ты ничего не знаешь...

– Как раз я-то знаю и беру на себя всю ответственность. Не этого же клоуна ставить командовать заслоном, – я махнул в сторону особиста, который с оторванным рукавом и грязной физиономией вылезал из придорожной канавы.

– Молчи, сержант. Старший лейтенант госбезопасности Достанюк своё дело знает. На тебя поступил серьёзный сигнал. Мародёрство, самоуправство, и в общем – диверсия, – на его скулах заходили желваки.

– Ошибка в формулировке. Диверсанты – это те, кто при реальной угрозе прорыва танков противника мешают войскам получить необходимые средства отражения нападения. Это те, кто в самый ответственный момент пытается лишить заслон руководства и лучших бойцов. Это те, кто сознательно вводят командование в заблуждение и тем самым ослабляют оборону и потворствуют врагу. Это те, из-за которых наши воины остались без оружия, которое враг имеет возможность захватить прямо в хранилище.

– Ну, ты... не очень-то, сержант... языком болтай. Разберёмся. Ладно. Продолжай пока командовать. Старший лейтенант, вместе со своими бойцами подожди у грузовика. Я что, непонятно сказал! Марш к машине! – Генерал бросил повелительный жест и сморщился, будто раскусил клопа, сплюнул и продолжил, обращаясь ко мне: – Докладывай, как оборону построил.

Я вкратце изложил суть моей задумки, которая явно понравилась комкору. Он сдвинул фуражку на затылок, потом снял. Гладко выбритая голова блестела в лучах вечернего солнца. Он поскрёб макушку, нахлобучил фуражку, дыхнул коньяком и махнул рукой, заканчивая показательную головомойку:

– Ладно. Давай, сержант, воюй. Продержись до утра. Завтра тебя сменит 770 полк, – Петров уже занёс ногу в легковушку, чтобы сесть.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться.

– Что ещё?

– Возьмите вот это, – и я протянул ему карту немецкого лейтенанта с моими пометками и замечаниями.

– Что это?

– Трофейная карта.

Комкор присел боком на сиденье, разложив на коленях карту. Через минуту он резко поднял голову, боднул налитым кровью взглядом и спросил охрипшим голосом.

– Кто работал с картой?

– Я.

– А, ну-ка в машину.

Я залез на заднее сиденье, рядом расположился генерал. Теперь от его взгляда можно было прикуривать.

– Что ты ещё знаешь?

– Всё.

– Что-то сомнительно. – его бровь недоверчиво поползла вверх. – Похоже на провокацию.

В голове промелькнула пугающая мысль, что все мои усилия напрасны. Поняв, что просто так мне до него не достучаться, и не желая терять драгоценного времени, я произнёс скороговоркой:

– Петров Михаил Петрович родился 3 января 1898 года в деревне Залустьежье Лужской волости Питербургской губернии. Окончил четыре класса, работал учеником слесаря на Путиловском. Участвовал в штурме Зимнего. В РККА с 1918 года. В 23 году окончил Тамбовскую пехотную школу, в 25 году Закавказскую политическую школу, в 32 году бронетанковые курсы. В 28 году в Сухуми родился сын Александр. Участвовал в войне в Испании, командовал 2 танковым батальоном в группе комбрига Павлова. 21 июня 37 года присвоено звание Героя Советского Союза. В 38 году опубликовал ряд статей в «Красной Звезде», в 165 июльском номере «Основы современного наступательного боя» и в 257 ноябрьском номере «Богатырское племя». В походе в Западную Белоруссию в 39 году командовал 15 танковым корпусом. В 40 году инспектор бронетанковых войск Западного округа, генерал-майор. Весной 41 года окончил Высшие курсы при академии Генштаба. Накануне войны назначен командиром 17 механизированного корпуса, который, – я намеренно повысил голос, – из-за небоеспособности был разгромлен в боях под Слонимом, Барановичами и Минском и исключён из списков с 1 августа. В августе 41 года генерал Петров командовал 50 армией, а с 7 октября – Брянским фронтом. При выходе из окружения у деревни Голынка Брянской области был ранен и попал в плен. Умер 10 октября 41 года от гангрены в концлагере в городе Карачев, похоронен там же.

На генерала Петрова было страшно смотреть. Мне явно удалось зацепить его за живое. Он сначала покраснел, потом смертельно побледнел, а лицо передёрнула судорога. Осмысленный взгляд появился через минуту.

– Кто вы?

– Сержант Батов. Впрочем, это не имеет значения.

– А, что имеет? – глянул он исподлобья.

– То, что немцев надо остановить сегодня на рубеже Щары. – И я начал спокойно и доходчиво переворачивать его мировоззрение. – К Слониму рвётся корпус Лемельзена. В авангарде 18 танковая дивизия Неринга, за ней следом 17 танковая дивизия фон Арнима и их прикрывают головорезы 29 мотопехотной. По приказу на них работает специальная авиагруппа ближних бомбардировщиков. И всё это пойдёт на нас максимум через два часа. Ещё хуже обстоят дела юго-восточнее. Завтра утром из Ивацевичей на Барановичи выступит корпус фон Швеппенбурга. За вечер и ночь наши деморализованные отступившие из-под Бреста дивизии не успеют подготовить новые рубежи у моста через Щару, и даже, если мы задержим здесь Неринга, то на Минском шоссе с отличного рубежа у реки наших вышибут уже через час боя. И пришедшая с опозданием на помощь 55 дивизия не поможет. Вся беда в том, что наши основные бронетанковые силы остались в тылу у немцев и зачем-то скапливаются в районе города Коссово. А завтра к вечеру их там разнесут в пыль три штаффеля юнкерсов. Примерно

в те же часы потрёпанную в ожесточённых боях 55 дивизию добьют бомбардировщики западнее Барановичей. К ночи в город вступит немецкая пехота, а танковые батальоны врага обойдут Барановичи и двинут дальше на Слуцк. После этого оборона Слонима станет бессмысленной, поскольку он останется в немецком тылу. После захвата Барановичей армейская группа Гудериана выйдет на оперативный простор и рванёт к Минску, а с северо-запада через Молодечно туда же устрелятся танки Гота. Окружение Белостокско-Минского котла замкнётся. Вам понятна обстановка? Сейчас и здесь мы защищаем единственный проход к Варшавскому шоссе, по которому из Белостокского мешка могут выйти наши окружённые армии. По этому направлению к Слониму выходит 10 армия, севернее – 3 армия, а следом за ними – наиболее пострадавшая 4 армия. И если мы сегодня не удержимся здесь, то танки Неринга перережут этот коридор и в итоге погибнет свыше трёхсот тысяч советских людей и почти столько же попадёт в плен. Вот что мы имеем на настоящий момент. Подробности – в карте.

– Но что делать? Это же катастрофа. – Теперь я видел живого разумного здравомыслящего человека.

– Пока мы не сдались – ничего не ясно. Нельзя воевать с мыслями о поражении. Владея оперативной обстановкой, вы лично можете организовать эффективную оборону. Знаю, что вся ваша артиллерия сосредоточена восточнее Слонима, поскольку нет снарядов. Там же стоят все танки без горючего. Не надо тешить себя мыслью, что кто-то умный и смелый отдаст вам приказ. Своей властью открывайте все имеющиеся стратегические склады. А их в окрестностях десятки. В конце концов, они для того и создавались. Немедленно выводите артиллерию на рубеж реки Щара, маскируйте её и пристреливайте ориентиры, назначайте ответственных за направления. Каждый заслон плотно прикрывайте зенитками. Немецкие асы трусы, под зенитным огнём прицельно бомбить не станут. И самое главное выбивайте танки. Без них Гудериан ноль без палочки. Организуйте танковые засады. Варшавское шоссе проходит через сплошные леса и болотистые низины, значит, надо минировать все съезды, проезды и устраивать там засады. В Слониме необходимо взорвать четыре деревянных моста и железнодорожный, а главный автомобильный мост взять под плотную защиту. Если немцы прорвутся, то будут переть на него, как бешеные. Мои краткие соображения на обратной стороне карты. Если наши 17 и 14 корпуса здесь удержатся, немцам в спину ударит 10 армия. Когда противник развернётся, ему в спину ударим мы. И тогда им – капут. А теперь наиглавнейшее. Войну проигрывает не армия, а трусливые, нерешительные и бездарные генералы. Гром уже грянул, и мужикам пора перекреститься. Время отчаянно поджигает. У вас в распоряжении всего вечер, ночь и утро. Должны успеть. Иначе эта война нас всех уничтожит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.